

Галина Куликова

ПОЕДАТЕЛЬНИЦЫ ПИРОЖНЫХ

Литературный геттектив

Галина Куликова

Поедательницы пирожных

«ЭКСМО»

2009

Куликова Г. М.

Поедательницы пирожных / Г. М. Куликова — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-17-062248-1

Глава крупной фирмы Родион Марьянов совсем не ест сладкого. Именно это и спасает его от гибели – в пирожных, которые он привозит с собой на дачу из офиса, оказывается смертельный яд. А вот прекрасные любительницы полакомиться корзиночками с кремом умирают прямо у него на глазах. Оказавшись наедине с двумя трупами, Марьянов понимает, что именно он станет главным подозреваемым в деле об убийстве. Возможно, в одиночку он и не решился бы пуститься в бега и начать собственное расследование. Однако неожиданно он обретает союзницу – свою новую секретаршу Карину. Которая, впрочем, вовсе не так проста, как может показаться на первый взгляд...

ISBN 978-5-17-062248-1

© Куликова Г. М., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Михайловна Куликова

Поедательницы пирожных

Июньским солнечным утром, ровно в девять часов, Родион Марьянов вошел в украшенные голубовато-серебристой эмблемой двери бизнес-центра и упругим шагом пересек сверкающий чистотой холл. Был мужчина высок, светловолос, имел выправку кадрового военного и фигуру профессионального гимнаста. Девушка-администратор, увидев его, расцвела улыбкой. Марьянов привык к девичьему вниманию – радовался ему, но не зазнавался. По собственному опыту знал, что избыток женской любви, вместо того чтобы открывать горизонты, порой просто загоняет тебя в угол.

Кивнув на ходу, Марьянов вошел в гостеприимно поджидавший седоков огромный лифт, где оказался в данную минуту единственным пассажиром. Уверенно нажав сильным пальцем на кнопку с цифрой «1», он поймал свое отражение в зеркале и состроил ему потешную рожу.

Лифт стремительно доставил его на нужный этаж. Двери бесшумно открылись, и Марьянов двинулся по длинному коридору, вдоль темнокоричневых, почти шоколадного цвета дверей, украшенных табличками, на которых значились названия компаний и фамилии руководителей.

Дойдя почти до конца коридора, он на секунду остановился, провел рукой по светлым, коротко стриженным волосам, неуловимым движением поправил узел галстука и лишь затем решительно взялся за ручку двери, на которой была укреплен стандартная золотистая табличка: «Агентство коммуникаций 'Стратегия плюс' ».

В этот самый момент дверь неожиданно и резко открылась ему навстречу, и он стремительно отпрянул, тем самым избежав фатального удара по носу.

– Ой-ой! – раздался звонкий испуганный голос, после чего из-за коварной двери появилась стриженная под мальчика жгучая брюнетка.

Она хлопала ясными глазами в длинных ресницах и прижимала руку к груди. Одета она была безобразно! То есть потрясающе была одета, просто в офис в таком виде девушкам ходить не рекомендовалось. Ее наряд составляли коротенькая прозрачная блузка и джинсы, низко сидящие на бедрах. И это его собственная секретарша! Кошмар.

– Извините, я не хотела вас убить, – выпалила секретарша. – Просто не ожидала, что вы уже здесь, прямо за дверью, думала, еще поднимаетесь...

– Господи, да что случилось-то? – усмехнувшись, поинтересовался Марьянов. – У вас такой вид, словно, в приемную залетело привидение и попросило сварить чашечку кофе.

– Хуже. Кобелев звонит, у него программа срывается. Ругается матом. Кричит, что мы довели его до белого каления.

– Врет, – убежденно сказал Марьянов. – Когда Кобелев доходит до белого каления, у него вообще никаких слов не разобрать, матерных в том числе. И вообще, кто занимается его проектом? Никифорова? Вот пусть она и решает его проблемы.

– Я пыталась соединить его с Никифоровой, но он не хочет с ней общаться. Обозвал ее, не могу даже повторить как, и сказал, что будет разговаривать только с вами. Я видела в окно, как вы парковали машину, вот и побежала навстречу с телефоном!

В доказательство она энергично ткнула телефонной трубкой прямо в лицо Марьянову, который был вынужден второй раз за это утро уворачиваться от столкновений с твердыми предметами.

– Послушайте, – прервал он трагический монолог. – Может быть, пройдем в офис и там разберемся? Чего тут орать, в коридоре?

– Извините, я просто хотела телефон вам отдать. Я его боюсь.

– Телефона боитесь?

– Нет, Кобелева. Марьянов хмыкнул:

– Сейчас я пройду в кабинет, а через две минуты вы спокойно соедините меня с Кобелевым. И без паники. Договорились? Вы, Карина, у нас недавно, так что на первый раз прощаю. А на будущее имейте в виду: наше главное оружие – спокойствие, терпение, чуткость и любовь.

– Так уж и любовь? – переспросила озадаченная Карина.

– Любовь, – весело подтвердил босс. – Любовь к клиентам, какими бы ужасными они ни были. Их не надо бояться, их надо нежно любить, ибо они – источник нашего благосостояния.

Марьянов хотел было покровительственно похлопать секретаршу по плечу, но передумал. Плечо было практически голым. Поэтому он просто обогнул Карину, как стул, который случайно оказался на его пути, и твердо шагнул в приемную. Но в последнюю секунду притормозил, обернулся и бросил через плечо:

– Да, вот еще что. Мы тут, конечно, все люди творческие, но больше в таком виде на работу не являйтесь. Если бы я был владельцем ресторана восточной кухни, я бы не возражал против голых пупков своих сотрудниц. Но мы серьезное агентство, к нам клиенты ходят для деловых переговоров, а не для того, чтобы насладиться танцем живота. Надеюсь, вы меня поняли? А с Кобелевым соединяйте через пару минут.

Сказав это, Марьянов быстро скрылся за дверью, на которой сияла узенькая полоска золотистого металла с текстом: «Генеральный директор Марьянов Р.А.».

Закрыв за собой дверь, генеральный директор не увидел, какое впечатление его слова произвели на секретаршу. Она покраснела до ушей. Нет, даже включая уши! Скрипнула зубами. Ей так хотелось понравиться этому типу, а он... Поставил на место, как девчонку. Ну, ладно. Поглядим, что он скажет завтра.

* * *

Говорят: все перемены – к лучшему. В жизни Карины Крупенниковой этот священный принцип пока не срабатывал. Обычно перемены несли лишь разочарования и ворох разнообразных проблем. Взять ту же работу. Какие там были перемены к лучшему?

После скандального ухода от строительного олигарха, о котором Карина не любила вспоминать, она, чтобы не сидеть на шее у родителей, согласилась поработать секретарем в небольшой адвокатской конторе, вместо одноклассницы, ушедшей в декретный отпуск. Адвокату было не до сексуальных домогательств – он был старый, жадный и ни о чем, кроме денег, не думал. В его маленькой приемной Карина провела целых полтора года и от скуки чуть не вышла замуж за одного из клиентов. Этот еще сравнительно молодой мужчина влюбился с ходу, как в кино: дарил цветы, конфеты и водил по театрам и ресторанам. Но адвокат, видимо, что-то где-то недоработал, и его клиент вместо ЗАГСа надолго отправился в тюрьму. Затем одноклассница решила вернуться к активной трудовой жизни, и Карина с облегчением оставила это рабочее место.

На стройку ее определенно не тянуло, и она задумала вернуться в журнал, с которым когда-то сотрудничала. Но там недавно сменилось руководство и привело с собой много новых, весьма специфических сотрудников. Теперь по знакомым коридорам обнявшись или под ручку ходили экстравагантно одетые молодые люди с томными взорами и маникюром. В других изданиях на нее реагировали вяло – пробуйте, ищите темы, мы посмотрим.

В итоге через месяц Карина украсила собой очередную приемную. На сей раз – в Центре глобализации, экологии и демографии. Новая работа сначала заинтересовала ее. Центр казался

тем гуманитарным раем, где она сможет расправить надломленные крылья и начать долгожданный карьерный взлет. Но не тут-то было! Как оказалось, из новой приемной у Карины был только один выход – за ворота. Директор, у которого она и числилась секретарем, его многочисленные заместители, начальники отделов и секторов, руководители направлений, кураторы проектов были заняты своими собственными проблемами, разработками, книгами и диссертациями. Это было скопление самовлюбленных одиночек, каждый из которых считал себя если не гением, то ярким талантом. До Карининых амбиций тут никому не было дела. Через два года она уволилась по собственному желанию.

С горя Карина решила найти себе состоятельного мужа, родить детей и стать домохозяйкой. Но из этой пучины отчаяния ее вовремя вытащила Маша Зарецкая.

– Ты потратишь красоту, молодость и здоровье на воспитание неблагодарного потомства, – внушала она подруге. – А также на мужика, который тебя не оценит и все равно примется бегать по бабам. Ты будешь стареть, а он будет бегать. И чем старше будет становиться, тем больше будет бегать.

– Что ты мне предлагаешь? Опять идти секретаршей? – ныла Карина.

– С таким настроем – нет. Иначе ты закончишь трудовую деятельность в приемной третьего разрядного банка, откуда тебя уволят по возрасту, – вынесла суровый приговор подруга.

– Так что мне делать?

– Расти, – отчеканила Маша. – Можно даже с пресловутой секретарши начать. Но работодатель должен быть в курсе твоих амбиций, иначе он решит, что предел твоих мечтаний – приносить ему по утрам газеты.

– Только чтобы...

– Помню, чтобы все было в рамках служебных отношений. Вот подожди, я всерьез займусь твоей карьерой. Только не брыкайся, а раз в жизни послушай меня, а не свою глупую интуицию.

Так возникли в жизни Карины Крупенниковой агентство коммуникаций «Стратегия плюс» и его генеральный директор Родион Алексеевич Марьянов.

* * *

– Я что-то не пойму. Тебе там не нравится? Люди, обстановка, начальник? Вон, какая-то взъерошенная вся...

– Ох, Машка, ты права. Я в растрепанных чувствах.

Карина Крупенникова и ее ближайшая подруга Маша Зарецкая, директор по маркетингу небольшого узкопрофильного издательства, сидели в маленьком летнем кафе и обсуждали последние новости личной жизни.

Маша была слегка надменной холодной блондинкой, которая принимала свою красоту как должное. Темноволосая Карина, живая и непосредственная, брала не лицом, а очарованием. Вместе эти две молодые женщины составляли весьма яркую и эффектную пару, мимо которой, не окинув ее восхищенным взглядом, не мог пройти ни один уважающий себя мужик.

Примерно полгода назад Маша вторично вышла замуж, причем на сей раз, кажется, удачно. А Карина после долгих раздумий и сомнений вышла на новую работу. Похоже, выбор был неправильным.

– Зачем я дала себя уговорить? Я же в этих коммуникационных проблемах ничегошеньки не понимаю. Очень хочу разобраться, но время уходит на какую-то ерунду – там же целый день бедлам. Шум, гам, все возбужденные, носятся с какими-то идеями, прямо в коридорах их обсуждают. И как мне дорогой гостьей войти в этот мир? Пока чувствую себя чужой на этом празднике. Ну, появилась в конторе новая секретарша, и что? К тому же, как мне кажется, я

сильно раздражаю генерального директора своим внешним видом и полным незнанием тонкостей его бизнеса.

Карина задумчиво поболтала ложечкой в чашке с чаем и отколупнула кусочек любимого чизкейка.

– Ну вот, опять! – воскликнула Маша. – Я теперь буду до конца дней чувствовать себя виноватой из-за того, что сосватала тебя в эту контору. Раз в жизни ты решила последовать моему совету – и на тебе! Что ты, собственно, хотела? Чтобы тебя сразу приняли за свою? Так не бывает.

– Да ты тут совершенно ни при чем! Я сама виновата. Не пошла в свое время работать по специальности – вот теперь и буду пожизненно чьей-то секретаршей. В скобках – интим не предлагать.

– Куда же, интересно, ты собиралась идти после своего заборостроительного университета? Прорабом на стройку? Помнится, ты подобных желаний не выражала. А сразу возжелала стать бизнес-леди.

– Я инженер-строитель, между прочим. А не заборо... – обиженно сказала Карина. – Спасибо дорогому папе. Какими все же родители бывают упертыми! Я ведь говорила ему, что не технарь, а гуманитарий. Нет, стоял на своем: получи диплом, получи диплом... Вот и получила.

– Твой отец не мог предвидеть, что ты нарвешься на придурка-олигарха, который навсегда отобьет у тебя интерес к строительству, – вступилась за ее родителя Маша. – А то вполне могла бы сейчас возводить небоскребы где-нибудь в эмиратах. Или, на худой конец, в Москве.

– Он отбил интерес не к строительству, а к карьере в строительном бизнесе.

– Не придирайся к словам. А вообще, строительство небоскребов – это именно то, чем нужно заниматься женщине с твоим характером. Да и внешность у тебя подходящая. Могла бы ей воспользоваться, обаять какого-нибудь начальника и взлететь на самый верх.

– Не дождутся, – мстительно ответила Карина. – Начальники сокращают не только путь вверх, но еще и твою жизнь. Я-то знаю, как они умеют пить кровь своих несчастных подчиненных. А уж если ты еще продала ему свою душу... Ну, то есть тело! Нет, Машка, это не для меня.

Маша Зарецкая с сочувственной усмешкой посмотрела на Карину. Она прекрасно помнила историю незадавшейся карьеры подруги в мире строительных магнатов. Ее, отличницу, приму школьного театра и внештатного корреспондента популярного молодежного журнала, родители убедили пойти учиться в строительный университет, хотя сама она мечтала о карьере журналиста или актрисы.

– Журналисты все рано или поздно спиваются, – горячился папа, большой строительный начальник, у которого часто брали интервью всякие деловые издания. – Я в своей жизни не видел ни одного трезвого журналиста.

– А красивые актрисы начинают карьеру в постелях режиссеров-неудачников, а заканчивают, как правило, в сумасшедшем доме! – подливала масла в огонь мама.

И дочь уступила родительскому напору. Маша ее тогда ругала на чем свет стоит:

– У тебя свои мозги есть?! Всю жизнь придется заниматься нелюбимым делом.

– Почему это – всю жизнь? Сначала опробую себя в роли создателя материальных ценностей. А если не понравится, в журнал вернусь. И с дипломом инженера-строителя можно стать журналистом. Мне рассказывали в редакции, что сотрудников с профильным образованием там практически нет – все больше бывшие учителя, инженеры и спортсмены.

Карина легко закончила вуз и даже сделала попытку применить полученные знания на практике, но снова вмешался папа, который устроил дочь секретарем-референтом к молодому олигарху – главе корпорации, ведущей строительство жилых и офисных зданий.

– Ты понимаешь, на что подписываешься? – спросила ее тогда осторожная Маша.

– Отец говорит, что там большие возможности, связи и так далее. Все для успешной карьеры, – беззаботно отозвалась Карина. – Стану бизнес-леди, буду руководить гигантскими стройками из офиса.

Действительность превзошла все самые худшие Машины опасения.

В первый же день работы, когда сотрудники офиса на личных иномарках рассосались по загородным домам и дачам, к Карине подошел руководитель секретариата – пожилой седой дядечка, внешне похожий на ветерана спецслужб, какими их обычно показывают в сериалах.

– Пойдемте, – коротко приказал он. – Вас хочет видеть Виктор Евгеньевич.

Молодой олигарх, пребывавший в сонно-расслабленном состоянии, ленивым жестом спровадил руководителя секретариата. Как только тот исчез за двойными дверями кабинета, олигарх упруго поднялся, прошел к стеклянной витрине с разноцветными бутылками и вернулся к столу с двумя стаканами, наполненными нежно-золотистой жидкостью.

– Пей! – приказал он, сразу перейдя на «ты», и сам сделал большой глоток.

Карина из вежливости осторожно пригубила и отставила стакан в сторону. Она со страхом ожидала разговора, полагая, что сейчас этот молодой энергичный мужчина устроит ей экзамен по строительному бизнесу и будет метать громы и молнии, если она не ответит на его каверзный вопрос.

Вопрос последовал незамедлительно. Он действительно оказался каверзный, но к строительству отношения не имел.

– Сауну любишь?

Карина подумала, что это тест на сообразительность, но правильного ответа сразу не нашла и решила уточнить:

– Вы имеете в виду строительство подобных сооружений? Просто моя специализация в университете...

– Я имею в виду расслабиться. Попариться, и вообще... Составишь мне компанию? Домой я тебя завезу, а завтра можешь в офис не приходить – дам отгул за сверхурочную работу.

Он громко и радостно захохотал.

– Спасибо, – сказала Карина, поднимаясь. – Сауну я не люблю, париться ненавижу. Кстати, в офис я завтра все равно не приду, так же, как и послезавтра. Так что место для любительниц сауны вакантно.

Когда Карина, пылая негодованием, поведала эту историю Маше, та напомнила ей:

– Я ведь тебя предупреждала. А что родители?

– Как ты думаешь? Отец не разговаривает, мать плачет. Она решила, что я теперь с горя в артистки подамся.

– А ты подашься?

– Нет. Думаю, поздновато. Знаешь, если даже актрисы и начинают свою карьеру в постелях режиссеров-неудачников, то бизнес-леди от них, вероятно, недалеко ушли.

Теперь, в кафе, слушая подругу, Маша Зарецкая только тяжело вздыхала и курила сигарету за сигаретой.

– Насчет Марьянова можешь быть спокойна. Я Родиона давно знаю, у него твоя безопасность гарантирована. Он всегда был порядочным мужиком, что сегодня большая редкость. А как женился два года назад, так вообще стал пай-мальчиком. У него, кажется, даже любовницы официальной нет. Говорят, он до сих пор без ума от этой своей Ноны. И это с его положением и его деньгами!

Глаза Маши неожиданно затуманились. Карина с интересом уставилась на вмиг погрузневшую подругу – похоже, Родион Марьянов для нее не просто деловой партнер. Вероятно, это была не спетая песня возможной большой любви. А может быть, и спетая. Впрочем, в Машкиной жизни количество таких песен было достаточно велико и могло составить солидный лирико-драматический репертуар.

– Может быть, еще по одному пирожному закажем? – деликатно прервала затянувшуюся паузу Карина.

– Сладкоежка! – бросила в ответ очнувшаяся от грез Маша. – Не понимаю, как ты умудряешься, ежедневно лопаая пирожные, тортики и конфеты, сохранять такую дивную фигуру. Ты ведь даже в фитнес не ходишь.

– Так уж получилось, повезло. Так что ты там про Марьянова начала рассказывать?

– А что Марьянов? Хороший мужик. Деловой, толковый, хваткий, креативный. Вот если бы ты в его конторе прижилась, вполне могла бы сделать у него карьеру. Причем без ненавистного тебе интима. Бизнес этот весьма перспективный, поверь мне. Востребованность таких услуг на рынке огромная, толковые люди очень нужны. К тому же сама говоришь, что гуманитарная сфера тебе ближе, чем техническая. Бизнес Марьянова и есть гуманитарная сфера, гуманитарней не придумаешь. Ты не только симпатичная, но и умная. Знаешь ведь, как бывает – сначала секретарша, потом менеджер по рекламе или связям с общественностью. Ты все сможешь, тем более это не так уж сложно. Глядишь – годика через два-три уже начальник отдела. Потом...

– Потом заместитель генерального директора, а потом генеральный директор или жена генерального директора, что одно и то же.

– Не утрируй. Марьянов не просто генеральный директор. Он – владелец бизнеса. А его женой ты не станешь, пока Нонка жива, это я тебе обещаю. Она ревнивая и ужасно подозрительная. Там вообще все очень непросто. У нее, кроме любви мужа, еще один козырь – папа во властных структурах.

Очень высоко и крепко сидит. Он, как мне рассказывали, Родиону здорово помогает, через него в агентство крупные клиенты приходят. В общем, почти семейное дело. Но развиваются, причем очень динамично. Мне кажется, ты оказалась в нужное время в нужном месте и теперь все в твоих руках. Когда Родион позвонил и сказал, что расширяется и набирает в штат жадных до работы людей, я сразу про тебя подумала. И когда уговаривала пойти туда, именно карьерные перспективы и имела в виду. А не то, что ты до пенсии проработаешь в этой конторе секретаршей. Я на этот счет Марьянова четко проинформировала.

– Что-то непохоже, что он все правильно понял. По-моему, он меня в расчет не берет. В смысле карьерного роста. Улыбается загадочно, шуточки отпускает. Не то чтобы с какой-то целью, а так, между прочим. Я бы с удовольствием попробовала себя в этих коммуникациях, тем более что и сфера подходящая, вполне творческая. Но может быть, ему вообще нужна была дурочка на телефоне? Причем одетая в доспехи средневекового рыцаря.

– Да подожди ты немного. Ведь времени прошло – всего ничего, а ты уже стонешь. Разберись сначала. Пойми, где ты можешь оказаться полезной. Кроме приемной шефа, разумеется. И действуй! Только умоляю – полюби коммуникационные стратегии, иначе мы с места не сдвинемся. Хочешь, я тебе книжечку принесу, считаешь на досуге.

– Неси, – покорно согласилась Карина. – Проявлю здоровый интерес, вдруг и правда получится. Теперь рассказывай, как семейная жизнь протекает. И давай закажем еще по пирожному, ладно?

* * *

Войдя на следующее утро в приемную, Родион Марьянов вздрогнул от неожиданности – за столом секретаря сидело, скрючившись, какое-то черное бесполое существо. При виде вошедшего существо встало из кресла и сделало шаг навстречу, оказавшись при ближайшем рассмотрении Кариной Крупенниковой.

– Что это с вами? – вымолвил потрясенный Марьянов. – Вернее, что это на вас?

– Одежда, – гордо пояснила Карина, сложив руки на животе.

Марьянов дернул щекой и почесал переносицу.

– У вас кто-то умер? – на всякий случай поинтересовался он.

– Нет, слава богу.

– Выглядите пугающе.

– Но вы же просили одеться пострже. Теперь вам нравится?

Марьянов прищурился. С ее стороны это была какая-то отчаянная, гусарская наглость. Что называется: пан или пропал. Вероятно, она обиделась на его вчерашнее замечание. Здорово ее пробрало, однако. Интересно, с чего бы это? Может, она влюбилась в него? Отсюда и это маленькое восстание?

– Я на седьмом небе от счастья, – сказал он. – Вы похожи на итальянскую вдову, в беспмятстве укравшую одежду у католического священника. Или на странствующего монаха. Ваш обнаженный пупок был менее вызывающим, чем та черная сутана, которую вы на себя натянули. В сочетании с этими ужасными сандалиями ваше нынешнее облачение выглядит апокалиптически. Но особенно хороши очки. Где вы их добыли – в сундуке вашей бабушки?

– Неужели вы опять недовольны?! Я столько сил потратила на то, чтобы одеться по форме...

– А, так это вы в знак протеста! – воскликнул Марьянов. – Отстаиваете свое право ходить по офису полуголой?

– Отстаивают свои права только угнетенные. А я просто следую указаниям начальства.

– Теперь понятно. Только указания вы понимаете как-то извращенно. С вами надо держать ухо востро. Боюсь, что если я попрошу вас быть чуть более строгой и требовательной с клиентами, вы наденете вратарскую маску и возьмете в руки бензопилу.

– Я не знаю, как пользоваться бензопилой, – призналась Карина с таким сожалением, будто этот навык действительно мог ей пригодиться.

– С вашими способностями и привычкой все схватывать на лету, думаю, вы быстро освоите этот нехитрый инструмент, – успокоил ее Марьянов. Усмехнулся и посмотрел ей прямо в глаза. – Послушайте, Карина. Даже если вы завтра придете на работу в скафандре, я это переживу. Меня в первую очередь интересует то, как люди работают, а не как они одеваются. Мне, может быть, тоже было бы приятнее видеть вас в той прозрачной штучке.

На лице секретарши промелькнуло удовлетворение. Судя по всему, последнее замечание шефа стало той отравленной стрелой, которая пробила ее нехитрые доспехи. Как же все-таки просто манипулировать женщинами! И зачем только Бог создал их такими одинаковыми? Добрые и злые, умные и глупые, красивые и страшные – все они определенным образом реагировали на мужское внимание.

– Есть же, в конце концов, понятие внутрикorporативной этики, – примирительно заключил он.

– Ладно, я поняла. Как прикажете явиться завтра?

– Одетой. Теперь начнем работать. Напомните руководителям отделов, что в десять совещание по торговой сети «Звездный свет». А мне приготовьте, пожалуйста, чай. И вызовите Конокрада, пусть заглянет минут через двадцать.

– Кто заглянет? – испугалась Карина.

– Коммерческий директор, Аркадий Конокрад. Вам эта фамилия нигде не попадалась?

– Нет пока. Такую впечатляющую фамилию я бы точно запомнила.

– Карина, – тяжело вздохнул Марьянов. – Вы уже достаточно долго работаете моим секретарем...

– Долго? – тотчас оцетинилась она, сделавшись похожей на очаровательного ежа.

– Достаточно долго, чтобы успеть ознакомиться со списком наших сотрудников. Он не так уж велик. И прошу вас – не надо завтра утром встречать меня у порога с транспарантом, на котором кровью будут начертаны имена и фамилии руководителей агентства.

* * *

После того как за Марьяновым закрылась дверь, Карина со вздохом облегчения рухнула обратно в кресло.

«Он ведь мог меня уволить, – подумала она. – В одну минуту. И, кстати, правильно бы сделал. А он обошелся легким внушением, да еще хохмил к тому же. И даже комплимент подбросил, чтобы я не разошлась ненароком. Может, Машка права, и Марьянов действительно руководитель с пониманием?»

Вынув из стенного шкафа большой пакет с одеждой, она отправилась в туалет, где быстро скинула с себя черный карнавальный наряд и омерзительные сандалии. Переделась в принесенный с собой деловой костюмчик и скромные туфельки. Отвратительные очки, найденные много лет назад у тетки в деревне и оставленные в виде сувенира, полетели в мусорную корзину. «Не забыть приготовить Марьянову чай, не то он мне сделает еще один выговор».

Уже собравшись нести поднос с чаем в кабинет генерального директора, Карина вспомнила про пирожные, которые принесла с собой на работу. «Угощу шефа, сладкое всем повышает настроение. Глядишь, он и забудет о нашей стычке», – решила она и аккуратно выложила на бумажную тарелку корзиночку с кремом, украшенную засахаренной вишней. Блюдце вместе с чашкой чая разместила на подносе и понесла в кабинет генерального директора.

– Ух ты, какая красивая! – громко восхитился Марьянов, когда секретарша, осторожно держа поднос обеими руками, приблизилась к его рабочему столу. – Прямо так бы и съел.

Кровь бросилась Карине в лицо. Она замерла со своим подносом, и чашка на блюдце угрожающе зазвенела. Марьянов испугался, что сейчас мятежная секретарша со всего маху грохнет поднос на его замечательный ореховый стол, и быстро сказал:

– Это я про корзиночку с кремом. А вы что подумали?

На его подлый вопрос Карина предпочла не отвечать. Румянец медленно стекал с ее лица и исчезал где-то в вырезе блузки. Строгом неглубоком вырезе, который мог только радовать ревнителя корпоративной этики. Надо отдать ей должное, Карина быстро взяла себя в руки. И почти нормальным голосом заметила:

– Советую есть пирожное ложечкой, оно очень свежее, может развалиться прямо в руках.

Как всякий привлекательный мужчина, Марьянов собаку съел на укрощении строптивых девиц. Кроме того, в отличие от секретарши он чувствовал себя прекрасно.

– Увы, – сказал он с деланным сожалением. – Ни ложечкой, ни руками, ни даже ногами я есть его не стану.

– Это потому, что именно я его принесла?! – тут же вспыхнула она, и багряный румянец теперь пополз из выреза, угрожая затопить не только шею, но и лицо.

– Я слишком большая шишка, чтобы бойкотировать собственных секретарш, – ухмыльнулся Марьянов. Ему нравилось быть на высоте положения. – Просто я не ем сладкого. То есть вообще. Ни тортов, ни пирожных, ни шоколада, ни мармелада, ни халвы. . . Ни даже меда, хотя, говорят, это страшно полезная вещь.

– А почему не едите? – по-детски растерялась Карина.

– Не люблю. Только – тсс! – никому ни слова. Я это не афиширую. Оказывается, не есть сладкого – все равно что не пить водку. Люди относятся к этому с точно таким же подозрением. Вам я рассказал как доверенному лицу, ясно?

– Ясно, – вздохнула Карина и добавила, глядя на корзиночку с кремом: – Жалко. Она безумно вкусная.

– Так съешьте ее сами, – милостиво разрешил Марьянов. – Если, конечно, не боитесь растолстеть, как пингвин.

Карина в ответ только хмыкнула. Шеф ничего не знает о своей секретарше! Пугать Крупенникову пирожными было так же смешно, как Марьянова – большими бюджетами.

* * *

«Коммуникационная стратегия представляет собой сложный многофункциональный инструмент взаимодействия субъектов и объектов политико-экономического ландшафта современного общества. Как отмечал в своей книге 'А вы попробуйте!' известный австрийский социолог и политолог Иржи Горгульо, политика и экономика без коммуникаций подобны слепоглухонемому, который без поводыря переходит скоростную автомагистраль».

Карина прервала чтение и проделала ряд манипуляций, которые должны были помочь ей вникнуть в содержание прочитанного: нажала пальцами на глаза, потерла виски, похлопала ресницами, наклонила голову влево, а потом вправо. Голова гудела. На улице было жарко, а в приемной – душно, невзирая на работающий кондиционер. Чтобы отвлечься, Карина живо представила себе тщедушного человечка с белой тростью, который пытается прошмыгнуть в малюсенькие промежутки между мчащимися по хайвею лимузинами и грузовыми монстрами. Картинка получилась удручающей: видимо, этот Горгульо знал, о чем писал. Передохнув немного и глотнув минеральной водички, Карина усилием воли снова принялась за освоение премудрой науки коммуникаций.

«Современная коммуникационная стратегия – это программа масштабных долгосрочных действий в рамках маркетинговых приоритетов для достижения намеченных целей. Идеальная коммуникационная стратегия представляет собой гармоничный и высокоэффективный сплав таких форм коммуникации как реклама, паблик рилейшнз, масс-медиа, сейлз промоушен».

Да, по сравнению с этим фундаментальным исследованием тоненькая брошюрка под названием «Управление коммуникациями», которую она изучала вчера, показалась ей теперь романом Даниэлы Стил.

Карина прикрыла глаза. Перед внутренним взором беспорядочно проносились, сверкая огнями, как бродвейская реклама, незнакомые ей ранее слова, фразы и даже целые предложения. Третий день подряд бедняга, тихо завывая, штудировала специальную литературу, которой ее щедро снабдила Маша Зарецкая. Даже сопромат, который у них в университете ненавидели все, включая фатальных отличников, давался ей гораздо легче коммуникационных стратегий. Сознание своего бессилия перед горами информации вызывало безотчетный ужас. Она чувствовала себя альпинистом-любителем, которого после пары тренировочных восхождений на единственный пригорок возле родного села Нижние Утюги вдруг заставили штурмовать Джомолунгму.

– Что читаем? – послышался бодрый голос, и Карина от неожиданности вздрогнула. Книга выскользнула из рук и спланировала на пол, прямо под ноги внезапно появившемуся из своего кабинета Марьянову.

– А, Чистопольский! – почему-то обрадовался он, подняв книгу и взглянув на обложку. – «Коммуникационные стратегии и коммуникационные Стратеги». Ну и названьице, узнаю дорогого друга.

– Вы его знаете? – с фальшивой заинтересованностью в голосе спросила Карина, втайне порадовавшись, что шеф не застучал ее дремлющей над этим великим трудом.

– Гену? Конечно, знаю. Мы когда-то работали в одной компании, однажды даже хотели вместе свое дело начать. И назвать контору «Коммуникационные стратеги». Гена всегда любил мудреные тексты писать, делать из простого сложное и очень сложное. Да еще чужие идеи воровать. Вообще, знаете, Карина, почему-то из практиков-неудачников получают весьма преуспевающие теоретики. Сначала завалят свой бизнес, как Чистопольский, а потом книжки издадут: учат всех остальных, как этот самый бизнес правильно построить. Или как стать бога-

тым за пятнадцать минут. Вообще-то похвально, что вы пытаетесь освоиться в новом для вас деле, литературу изучаете. Но поверьте, никакие книги не заменят реального, живого опыта работы. Только находясь в самой гуще событий, принимая в них непосредственное участие, можно овладеть специальностью, стать профессионалом.

Марьянов говорил и нравился сам себе. Вот какой он благожелательный, умный и демократичный начальник!

– Как же я попаду в эту гущу, если я целыми днями сижу в приемной? – мрачно спросила Карина.

Чтобы не выйти из образа, Марьянов, нахмутив лоб, спросил:

– А вас действительно заинтересовало то, чем мы тут занимаемся?

– Быть вашей секретаршей, конечно, очень почетно, – пробубнила Карина, – но я хотела вообще-то как-то расти.

– Вообще-то как-то? Да-да, мне Зарецкая говорила, помню.

Карина обожгла его взглядом, в котором было так мало доброты, что ее едва хватило бы на жука. Марьянову почему-то стало неприятно. Вообще-то он привык держать удар, но эта пигалица будила в нем слишком сильные эмоции. Мало того, он им поддавался. «Надо следить за собой, брат», – пожурил он мысленно сам себя. А вслух сказал деловым тоном:

– С завтрашнего дня будете присутствовать на совещаниях, где планируется работа с новыми клиентами. Разрешаю принимать участие в обсуждениях, если будут мысли. Дам команду, чтобы вас подключали к работе по проектам. Пока в качестве подмастерья. Но все это – не в ущерб основной деятельности в качестве моего секретаря. На всякий случай я предупреджу Алену, секретаря моего зама Игоря Скворцова. Она подстрахует, если вам надо будет отлучиться из приемной. Ну как, довольны?

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – подумала Карина. – Но, кажется, он говорит серьезно». Гораздо удобнее было относиться к шефу с предубеждением, но Карина ничего не могла поделать с охватившей ее детской радостью.

– Я очень довольна, – пискнула она.

Глаза у нее заблестели, как у домашней кошки, заприметившей открытую форточку.

Марьянов, опьяневший от собственной доброты, добавил:

– Хорошо проявите себя в ином качестве – держать не буду, пойдете на повышение.

Чтобы она не умерла от благодарности, которая, кажется, мешала ей нормально дышать, он на всякий случай добавил:

– Думаю, это будет к взаимному удовольствию. Для секретарши вы слишком говорливая и обидчивая.

* * *

Заканчивался июль, лето было в ударе. Кондиционеры творили чудеса, но все равно расплавленные жарой сотрудники вяло перемещались из кабинета в кабинет с бутылками воды в руках. Тема отпусков контрабандным порядком стала вытеснять все иные темы. В частных разговорах на все лады склонялись приятные слуху названия популярных курортов и мест отдыха – Мальдивы, Черногория, Доминикана, Турция.

И только одна Карина, казалось, всего этого не замечала. Ее жизнь превратилась в нескончаемый суматошный праздник труда, что ей очень нравилось.

В коллективе благожелательно отнеслись к ее намерениям вырваться из стен приемной и отправиться в большое плавание по бурным волнам безбрежного моря коммуникаций. Мужчины и без того пылали к Карине самыми нежными чувствами, а с женщинами она достаточно легко сумела найти общий язык и быстро завела себе несколько приятельниц. Даже секретарь

заместителя генерального директора Алена Вяземская была снисходительна и любезна, хотя ей частенько приходилось выполнять Каринину работу в приемной.

Сам Марьянов, спровоцировавший этот взрыв энтузиазма, не только с интересом наблюдал за превращением своей секретарши в толкового и расторопного менеджера, но всячески поощрял этот процесс. Правда, иногда возвращал Карину с небес на землю, поругивая за слишком длительное отсутствие на основном рабочем месте. И еще он безумно любил вставить шпильку по поводу ее любви к сладостям. В очередной раз увидев на ее столе коробочку с пирожными, он мог глубокомысленно заметить:

– Вчера вы при большом стечении восхищенных сотрудников мужского пола, изящно наклонившись, застегивали босоножку. Если со временем любимые пирожные размоют замечательную панораму, эффект от ваших невинных трюков будет уже не такой.

Но все это были мелочи. Главное – Карина нашла наконец применение так долго дремавшим в ней творческим и организаторским способностям. Прав оказался ее шеф – погрузившись в практическую работу, она довольно быстро разобралась, что к чему. Книжки, которыми ее снабдила Маша Зарецкая, лежали бесполезной кучкой на краешке стола.

В общем, деловая жизнь Карины Крупенниковой впервые наладилась, стала понятной, осмысленной и радовала исключительно позитивными ощущениями.

* * *

Понедельник оправдывал свой мрачный имидж, он выдался сложным и тяжелым. Настолько, что даже для понедельника это было чересчур. С утра Марьянов провел совещание, на котором буквально растерзал представленные ему перспективные планы и предложения для новых клиентов.

– Это отписки, – метал он громы и молнии в притихших сотрудников. – Мы же все сто раз обсуждали, все проговаривали – а в итоге родились вот эти филькины грамоты?

– Последний день Помпеи, – выходя из кабинета генерального директора, мрачно подытожил начальник информационно-аналитического отдела Костя Суворов. – Остались только развалины, под которыми еще дымятся наши обугленные надежды на отпуска и премии.

Но это было только начало. Буквально через час стало известно, что срывается исключительно важная пресс-конференция одного из старейших клиентов агентства. Компания безалкогольных напитков «Квадратный литр» уже длительное время вела ожесточенную борьбу за большой участок земли в ближнем Подмосковье. Там планировалось разместить новые мощности для производства соков по новейшим технологиям. На этот же лакомый кусок претендовала одна мутная ассоциация содействия всему на свете, которая по традиции собиралась застроить участок элитными коттеджами.

Но именно в понедельник, за несколько часов до начала пресс-конференции, стало известно, что начальник юридического департамента не смог прилететь из Лондона, так как попал там в больницу с приступом аппендицита.

Однако и на этом череда неприятностей не закончилась. Явились скандалить представители крупного продюсерского центра, недовольные рекламной и информационной поддержкой их нового многосерийного детища.

К концу дня все были взвинченные, злые и нервные. А на долю Карины выпало еще одно испытание: в агентство явился Савелий Львович Триллер – весьма примечательный персонаж. Лет под шестьдесят, маленький, сухонький, с блестящими хитрыми глазками и жидкой козлиной бородой, страдающий многочисленными малоизученными болезнями, он был предельно жизнелюбив. Пройти мимо молоденькой женщины, не потрогав ее руками или не сделав попытки облобызать, было выше его сил. Каждый приход Триллера в агентство напоминал атаку диких кочевников на мирный город – все сотрудницы до сорока прятались кто

куда, пытаясь избежать близкого общения с ним. Уклониться от прикосновений и лобзаний при встрече не представлялось возможным, а послать дедушку-маньяка подальше – нельзя. Савелий Львович – клиент агентства. Правда, весьма специфический.

Савелий Триллер считал себя экстрасенсом, колдуном, хиромантом, астрологом и еще бог знает кем. Много лет он активно занимался практикой в этих неподвластных разуму областях, гадая на картах, кофейной гуще и по руке, снимая венцы безбрачия, привораживая, предсказывая судьбу и составляя гороскопы. Разбогатев, он посадил заниматься раскрученным бизнесом своих учеников и помощников, а сам стал писать книги на родные для него темы. Из-под его бойкого пера ежемесячно выскакивал очередной шедевр, который расходился огромными тиражами, благо обывательский интерес к подобного рода литературе огромен. Издатели наперебой приглашали Савелия Львовича к себе, и он, дабы упорядочить дела и извлекать максимальную прибыль, нанял литературного агента – пожилую стервозную даму с дипломом юриста, специалиста по авторскому праву.

Появление Триллера в агентстве около трех месяцев назад было связано со следующими обстоятельствами. В какой-то момент Савелию Львовичу показалось, что издатели недостаточно занимаются раскруткой его как популярного автора. Продаются книги – и прекрасно, чего еще тратиться на рекламу? Но Триллер так не считал. Разбогатев, он теперь жаждал славы, причем не только на родине, но и за рубежом. И решил вложить собственные средства в активное продвижение на рынке бренда «Савелий Триллер». К тому же появился прекрасный информационный повод – скоро в продажу должны были поступить книги уникальной авторской серии «Позитивное о негативном».

В агентство «Стратегия плюс» Триллер пришел за помощью. Презентация первого тома серии, который носил жутковатое название – «Яды», планировалась на конец августа. Савелий Львович очень любил всяческие СМИ, особенно телевидение, и очень хотел видеть их на презентации. Но СМИ, и особенно телевидение, Триллера как раз не любили, единодушно считая его шарлатаном. Издатель лишь разводил руками и явку прессы не гарантировал. Добиться здесь консенсуса мог бы только очень квалифицированный посредник. И кто-то из друзей подсказал Савелию Львовичу, кто ему сможет помочь. С тех пор Триллер два-три раза в неделю заезжал в агентство, чтобы лично узнать, как движутся дела.

Сейчас он болтался по приемной, ожидая аудиенции у заместителя гендиректора – Игоря Скворцова, который уже больше часа заседал вместе с коммерческим директором Аркадием Конокрадом у Марьянова. В кресле для посетителей сидела его литературная агентша, с обиженным лицом и поджатыми узкими губами. Она была похожа на фрекен Бок, у которой проказник Карлсон только что утащил последнюю плюшку.

Карина в отличие от многих скрыться никуда не могла, поэтому все это время была вынуждена дипломатично отбиваться от наседавшего на нее Триллера.

– Ну, деточка, дорогая моя! – ворковал старый прохиндей, хватая ее голую руку чуть выше локтя и пытливо заглядывая в глаза. – Вы же хотите знать свою судьбу? Хотите?

– Спасибо, Савелий Львович, как-нибудь в другой раз, мне сейчас некогда.

Карина убежала из приемной, а когда минут через двадцать возвращалась, все начиналось заново.

– Спроси меня, я расскажу, что тебя ожидает. О работе, о начальнике, о личной жизни – все расскажу.

– Савелий Львович, я очень занята, извините.

Она садилась к компьютеру, но шустрый Триллер мгновенно оказывался за спиной и, поглаживая Каринино плечико, шептал вполголоса:

– Ты не должна так наплеватьски относиться к своему будущему! Судьба не будет к тебе благосклонна. Вот спроси – что тебя ждет? И я тебе скажу. Хочешь, про зарплату скажу?

– В каком смысле?

– Сколько тебе платить будут. Допустим, через год.

– И сколько? – вяло поинтересовалась Карина, выдирая плечо из маленькой цепкой ручонки.

– Много, дорогая моя, тебе на все хватит.

– А точнее?

– На все хватит и еще останется. Давай я еще расскажу тебе про мужчину, который у тебя скоро будет. Хочешь, про мужчину? – и Триллер чмокнул ее в затылок.

Карина сделала рывок и вместе с креслом откатилась подальше от назойливого хироманта.

– Савелий Львович, у меня срочная работа! Неунывающий Триллер сделал ей вслед какое-то хватательное движение обеими руками и выкрикнул:

– Тогда приезжай в воскресенье ко мне, я тебе бесплатно погадаю!

Карина не успела ничего ответить, так как в этот момент маг и волшебник вильнул бедром и задел изящную стойку с декоративными цветами. Горшки и горшочки с грохотом посыпались на пол.

На шум высунулся Марьянов, укоризненно посмотрел на свою секретаршу, но ничего не сказал и снова скрылся в кабинете.

– Ну, денек сегодня, – сокрушенно покачала головой Карина, грустно взирая на картину разрушения. – Действительно, последний день Помпеи.

– Это знак! – завопил Триллер, прыгая между разбросанными по полу растениями, как африканский болотный козел по любимой кустарниковой саванне. – Знак судьбы! Ты должна приехать ко мне и узнать свое будущее, иначе последствия будут ужасны!

– Последствия уже и так не очень, – заметила Карина, пытаясь с помощью тряпки и веника хоть как-то минимизировать нанесенный ущерб.

Литературная агентша Триллера не проронила за все это время ни слова. Она наблюдала за манипуляциями Савелия Львовича с философским спокойствием. Так опытная воспитательница наблюдает за известным детсадовским шалопаем, который в конце прогулки обязательно должен пописать в чужую формочку.

– Что у вас тут происходит? – В дверях приемной возник креативный директор агентства Гриша Березин. Длинный, тощий, до одури симпатичный и кудрявый, как Амур. Окинув быстрым взглядом Карину, ползающую по полу на корточках и многозначительно сопящего за ее спиной Триллера, он провозгласил: – Все понятно: лето, повышенная солнечная активность, период брачных танцев у самцов. В общем – грязные танцы с клиентами.

Как подобает настоящему криэйтору, Гриша был сообразителен, ироничен, бескомпромиссен и крайне невоздержан на язык. Он пришел в агентство совсем недавно, Марьянов переманил его из очень крупного и крутого американского рекламного холдинга. Там Березин работал исключительно со всемирно известными брендами, поэтому к местным достопримечательностям типа Савелия Триллера относился снисходительно и без должного почтения.

Карина разогнулась и собралась было достойно ответить, но не успела. В приемную стремительно впорхнула юная блондинка Лиза Никифорова из клиентского отдела и с ходу выпалила:

– Карина, тут по рекламной кампании собачьего корма вопросы, с тобой хотел мой начальник поговорить. Можешь сейчас к нему по...

В этот момент из-за Карины, как месяц из-за облака, выплыл, потирая сухонькие ладошки, довольно улыбающийся Триллер.

Завидев его, Лиза, не произнеся больше ни слова, развернулась и опрометью бросилась назад. Савелий Львович на секунду замер, словно коршун в поднебесье, готовый обрушиться вниз на пытающегося скрыться от него наивного зайца. Затем плотоядно облизнулся и мелкой трусцой выбежал в коридор.

– Ничего себе! – восхитился Березин. – Вот это жажда жизни, позавидовать можно.

– Кому вы, Гриша, собираетесь завидовать? – послышался низкий, гудящий голос, и в приемную боком протиснулась высокая крупная дама сильно за сорок. Даму можно было назвать приятной, если бы не надменное и злое выражение лица. Это была Ванда Конокрад, жена коммерческого директора, работающая в агентстве помощником главного бухгалтера. Насколько знала Карина, Ванду держали исключительно из-за заслуг ее мужа, которого Марьянов очень ценил и которому абсолютно доверял.

Березин не успел и рта раскрыть, как Ванда Конокрад задала следующий вопрос:

– Карина, а кто цветы разбросал? И почему вы с веником, разве у нас уборщиц нет? Вы – секретарь генерального директора, его лицо, а лицо не убирает грязь.

Ванда вела себя в агентстве так, будто она как минимум совладелец компании. Считала своим долгом всем делать замечания и всему давать оценку. Ее не любили, но старались не связываться. Во-первых, потому, что она бегала к руководству с жалобами. А во-вторых, потому, что умный, мягкий, тихий и приветливый Аркадий Конокрад, как только дело касалось его жены, становился неадекватным и неуправляемым.

В агентстве почти все называли друг друга на «ты» и по имени. Исключением было только высшее руководство, которое величали по имени-отчеству. Впрочем, за глаза сотрудники все равно называли боссов по именам. Ванда принципиально всем «выкала», и ей, разумеется, отвечали тем же. Единственным человеком, которого Ванда уважала, если не сказать – боготворила, был Марьянов. В коллективе ходили упорные слухи, что Ванда в Марьянова влюблена. Разумеется, без взаимности – такое не решились бы сочинить даже самые злостные сплетники.

– Ванда, вы что-то хотели? – уклонилась от ответа Карина, рассудив, что в противном случае она обречена выслушивать поучения этой женщины еще долго.

– Где мой Конокрад? – Ванда плюхнулась в кресло рядом с литературной агентшей Триллера. – Не могу найти Аркадия, трубку не берет. Мне сказали, что он у Марьянова.

– Он на совещании у Родиона Алексеевича вместе со Скворцовым, – подтвердила Карина и, быстро спрятав веник за шкаф, уселась в кресло.

– И когда оно закончится?

– Не знаю. – Она пожала плечами.

– Вы секретарь и вы должны знать такие вещи, – назидательно промолвила Ванда. – Ведь речь идет о высшем руководстве агентства. Пока генеральный директор и коммерческий директор совещаются, мало ли какие важные вопросы могут возникнуть.

– Например, явится жена одного из них, – буркнула Карина.

– Что это вы там бурчите? – надменно поинтересовалась Ванда. – У вас должна быть хорошая дикция. Потому что вы лицо агентства. Не забывайте об этом, тренируйте рот. Артикулируйте в свободное от работы время.

Уставшая Карина уже была готова надерзить этой наглой тетке в ущерб своей будущей карьере, но тут в разговор неожиданно вмешался Березин.

Продолжая стоять в дверях, он мечтательно закатил глаза и громко произнес:

– Фамилии – странная штука. Иногда бывают такие удачные совпадения – позавидуешь человеку. Клоун Смехов, летчик Крылов. Бывают неудачные. Допустим, врач Смертин. Вот я тут подумал, что для коммерческого директора больше бы подошла фамилия Казнокрад. Конокрад хороша для цыганского барона. Или для директора лошадиного племзавода. Или вот еще директору ипподрома подошла бы...

Ванда Конкрад вскочила с места столь стремительно, словно ее подбросила невидимая, но очень мощная, учитывая ее габариты, пружина.

– Молодой человек, – загремела она, становясь пунцовой, как пион. – Что это вы себе что позволяете?

– Что?

– Вы покусились на честь руководителя! Вы издевались над всей нашей семьей!

Гриша и бровью не повел. Он лишь ухмыльнулся, после чего подошел, покровительственно похлопал Ванду по плечу, отчего лицо мадам из пунцового стало свекольным, и бодро отпартовал:

– Шутка! Я, разумеется, пошутил. Не стоит так переживать, радость вы наша.

Ванда натужно запыхтела, как локомотив, к которому пьяные сцепщики по ошибке прицепили лишние вагоны, и стремглав выскочила из приемной.

– Что это с ней? – удивился Березин. – В кого же мы такие обидчивые?

– Гриша, ты просто еще не знаешь, – решила просветить криэйтора Карина. Она была ему благодарна за то, что он вмешался и уберег ее от грандиозной схватки с Вандой. – Эта тетка напрочь лишена чувства юмора. Анекдоты при ней лучше не рассказывать – не улыбнется, зато потом замучает уточняющими вопросами. Шуток не понимает, сама шутить не может. Тут была такая история... Я еще не работала, мне Лиза Никифорова рассказывала. На восьмое марта в этом году мужчины агентства в подарки вложили открытки со стихами. Стас Кондрашов сочинил, каждой даме были посвящены отдельные строки. У Ванды было что-то типа «Ванда, рыбка дорогая, без тебя изнемогаю». Так она сначала побежала жаловаться мужу, что ее как женщину унизили, а потом накатала заявление в прокуратуру, что Кондрашов написал ей письмо, содержащее сексуальные намеки, и его поведение есть не что иное, как ничем не прикрытое сексуальное домогательство. В общем, чудом избежали неприятностей, Марьянов вовремя вмешался. Говорят, Стас потом с ней даже не здоровался, а она писала ему письма с извинениями, записки под дверь подкладывала.

– Бедняга, – засмеялся Березин. – Хорошо, что мы в России. В Штатах она засадила бы несчастного Стаса за решетку. Жаль парня, по-моему, он классный дизайнер. Слушай, бог с ней, с этой Вандой. Мне Марьянов позарез нужен. Может, чтобы я тут не отсвечивал, ты мне позвонишь, когда он освободится?

– Будет сделано, господин креативный директор, – улыбнулась в ответ Карина.

* * *

– Какие у нас еще дела? – устало поинтересовался Родион Марьянов, когда Карина поздним вечером принесла ему в кабинет чай.

Рабочий день шел к концу уверенно и спокойно, почти благодушно. Удалось даже согласовать новые предложения вместо тех, что вызвали такую бурную реакцию генерального директора. Об утренних и всех последующих катаклизмах вспоминать не хотелось. Кажется, понедельник, этот последний день Помпеи, заканчивался вполне прилично.

– На сегодня вроде бы все, Родион Алексеевич. Больше никаких заморочек. План на завтра у вас в компьютере. Только... Вас уже часа два какой-то тип дожидается. Он в баре, на первом этаже. Просил передать, что дело очень важное и срочное.

– Что за дело? – насторожился Марьянов. – И почему он в баре, а не в приемной?

– Сказал, что дело сугубо личного порядка, касается непосредственно вас, поэтому говорить в офисе он не хочет. Предложил встретиться в баре.

– Может, это псих какой-нибудь? – почесал нос Марьянов. – Вдруг у него в кармане пистолет? Я приду, а он возьмет и пальнет в меня.

Было непохоже, что генеральный директор боится. Кажется, ему просто не хотелось ни с кем встречаться. Тем более в конце рабочего дня.

– Вообще-то на психа он не похож, – успокоила Карина. – Он визитку свою дал, сказал, вы должны его помнить. Соловьев Александр, из питерского агентства наружной рекламы «На щите».

Марьянов на мгновение задумался, словно что-то вспоминая, потом медленно произнес:

– Помню, как же. Забудешь такое.

– А что такое это ваше «такое»? – насторожилась Карина.

– Что вы сразу подпрыгиваете, как шарик для пинг-понга? Все нормально, успокойтесь. Никаких... как вы там выражаетесь? Никаких заморочек. Просто я три месяца назад выступал в Питере на конференции «Коммуникации в условиях кризиса». Соловьев этот был одним из организаторов. Интересно, чего ему от меня надо? Тут его мобильный на визитке, позвоните, скажите, что минут через пятнадцать я спущусь.

– Хорошо, Родион Алексеевич. Потом можно идти домой?

– Не можно, а нужно. Вам надо много отдыхать. Потому что вы много работаете. И хорошо работаете, кстати! – словно удивляясь этому обстоятельству, сказал он. – Все успеете, прямо как Фигаро.

– Я вошла во вкус, – призналась Карина, пряча смущение. Ей было приятно. От похвал Марьянова у нее всегда замирало сердце, как будто она взмывала ввысь на огромных качелях.

– Начальники отделов о вас хорошо отзываются, каждый готов взять вас к себе, – продолжал босс. – Видимо, придется уступить вас кому-нибудь. Хотя не хочется! Завтра отдам распоряжение в кадры, чтобы начали подыскивать нового секретаря. Конечно, достойная замена вряд ли найдется быстро. Сейчас конец июля. Начнете новую жизнь с первого сентября, вроде как в школу пойдете. А пока придется все же совмещать обязанности.

Если я вам еще не надоел, – коварно добавил Марьянов и посмотрел на собственную секретаршу с противной усмешкой.

Усмехался он потому, что был уверен: Карина к нему неровно дышит. Некоторые мелкие признаки на это указывали, хотя она скрывала свою симпатию изо всех сил.

* * *

Спустившись вниз и войдя в бар, Марьянов сразу заметил за дальним столиком знакомую физиономию. Этого Александра Соловьева он в самом деле запомнил. И не столько потому, что тот действительно был одним из организаторов упомянутой им конференции, сколько из-за скандала, который приключился на банкете в день ее благополучного завершения.

Народу на банкете было много, тем для разговоров – еще больше. На втором часу дружеского общения с коллегами, прерываемого лишь для того, чтобы опрокинуть в себя новую порцию спиртного, у Родиона отчаянно заболела голова. Он уже хотел тихонько удрать к себе в номер, но тут увидел свою давнюю приятельницу Риту Гаршину. С Ритой они не виделись давно, хотя иногда перезванивались и поздравляли друг друга с праздниками. Известная в прошлом столичная журналистка, она несколько лет назад вышла замуж и переехала к мужу в Питер. Здесь Рита неожиданно для всех создала собственное PR-агентство. Со временем она превратила его в серьезный многопрофильный холдинг, который обслуживал интересы весьма уважаемых компаний – как российских, так и зарубежных.

И Родиону, и Рите было что вспомнить и о чем друг с другом поговорить. Кроме того, Марьянов в настоящий момент подыскивал в Питере надежных партнеров для реализации одного масштабного и долгоиграющего медийного проекта, так что Гаршина появилась очень кстати.

Рита тоже обрадовалась встрече, у нее для Родиона была куча новостей, поэтому они уединились в самом дальнем углу огромного банкетного зала, чтобы немного посплетничать и обсудить дела.

Однако спокойно поговорить им так и не удалось. К ним приблизился довольно высокий, очень худой и весьма нетрезвый мужчина с маленькими глазками, приделанными прямо к переносице. Не извинившись, мужчина стал довольно настойчиво тянуть Риту в сторону для, как он выразился, серьезного разговора. Гаршина шепнула Марьянову: «Прости, я на минуту».

И отошла с незнакомцем в сторонку. «Такие глаза под темными очками нужно прятать», – подумал тогда Марьянов, с неприязнью наблюдая за их беседой.

Он вспомнил, что видел этого человека среди организаторов конференции. Кажется, он произносил приветственные слова в день ее открытия.

Родиону не было слышно, о чем именно этот тип беседовал с Ритой, но разговор, судя по выражению лиц и активной жестикуляции, становился все более напряженным. Когда же Марьянов увидел, что мужчина, сильно покраснев, грубо схватил Риту за локоть и стал ее куда-то тащить, то сделал несколько решительных шагов в их сторону и положил свою тяжелую руку на костлявое плечо тощего агрессора.

– Оставьте даму в покое, – попросил он тихо, но твердо.

Мужчина резко повернулся и уставился на Родиона невидящим взглядом. Потом, не выпуская Риту, попытался свободной рукой оттолкнуть его. Это было ошибкой, потому что навыки на случай такого развития событий у Марьянова были отработаны до автоматизма.

Через пять секунд тощий сидел на ближайшем стуле и тихо стонал, прижимая к груди вывихнутую руку. Инцидент не остался незамеченным – к месту событий вслед за охраной потянулись хозяева мероприятия и гости из числа знакомых и друзей. Скандал быстренько замяли, тем более что никакого ущерба, кроме слегка поврежденной руки, не было. Организаторы принесли Родиону и Рите извинения за поведение своего коллеги и увели его с собой.

– Чего ему от тебя было надо? – поинтересовался затем Марьянов.

– Это личное, – беспечно отмахнулась Рита. – Тут и бизнес, и любовь. Спасибо, что вступился, но в принципе Соловьев – безобидное существо.

– А чем занимается это безобидное существо?

– Он известный рекламщик. Просто у него проблемы с алкоголем, ему пить вообще нельзя, а он злоупотребляет.

Они вернулись к разговору о делах и говорили еще долго – до самого окончания банкета, потом – в баре отеля, потом за ужином. А затем, не желая прерывать столь плодотворное общение, по обоюдному согласию продолжили разговоры в марьяновском номере. В итоге Рита уехала домой на такси лишь в пятом часу утра, шепнув Марьянову на прощание, что надо все-таки чаще встречаться.

А рано утром раздался осторожный стук в дверь – это явился господин Соловьев с извинениями за вчерашнее. Родион прямо так, стоя в коридоре в одних трусах, извинения принял. И даже поинтересовался у дебошира, как рука. Рука оказалась в порядке, и они мирно расстались, пожелав друг другу удачи.

И вот теперь знакомая голова с берегов Невы торчала над столиком в баре московского бизнесцентра «Сапфир Плаза». Соловьев, завидев Марьянова, приподнялся и поднял вверх длинную костлявую руку – мол, здесь я. Родион, не сделав встречного приветственного движения и даже не пытаясь изобразить на лице любезность, неторопливо направился в его сторону. Расточать улыбки пока не стоило – еще неизвестно, зачем ищет с ним встречи беспокойный питерский рекламщик.

* * *

– Вы меня, наверное, помните, – слегка нервничая, начал гость.

– Безусловно, – кивнул головой Марьянов. – Вы уж постарались, чтобы наша встреча осталась незабываемой.

– Родион Алексеевич, я еще раз хочу извиниться за тот случай... – Соловьев сделал крошечную паузу, но Марьянов его перебил:

– Во-первых, предлагаю обращаться друг к другу по имени – мы же, в конце концов, коллеги. Во-вторых, обсуждать эту тему больше не надо, она того не стоит. Один раз извинились – и довольно. Надеюсь, вы не извиняться сюда приехали? По работе, наверное?

Соловьев смешался и некоторое время нервно барабанил пальцами по столу.

– Да, по работе. То есть не совсем. В общем, Родион... Тут такая штука случилась... Вы должны о ней знать.

– Какая такая штука? – Марьянов почему-то сразу занервничал. Вероятно, внутренняя паника собеседника невольно передалась ему.

– Выслушайте меня, пожалуйста, только не удивляйтесь. Я и сам не знаю, что все это значит. Может, какая-то ошибка или дурацкая шутка. Но мне отчего-то стало страшно, и я бросился разыскивать вас.

– Чтобы я вас защитил? Но у меня, знаете ли, не охранный предприниматель, а коммуникационное агентство, так что...

– Именно! – вдруг воскликнул Соловьев. – Именно коммуникационное агентство! Поэтому я сразу же приехал к вам и просил вашего секретаря обязательно устроить нашу встречу.

– Потому, что вам стало страшно? – уточнил Марьянов. Он тянул время, понимая, что сейчас услышит что-то неприятное.

– Да. Потому что мне стало страшно. За вас. Соловьев выдохнул и белоснежным платком вытер со лба проступившие капельки пота.

– За меня?! – изумился Родион. Он ждал чего угодно. Какой-нибудь темной истории, связанной с Ритой, например.

Соловьев в ответ молча кивнул. Его близко посаженные глазки потемнели от волнения.

– Вы что, уже выпили? – с подозрением спросил Марьянов.

Но тот отрицательно покачал головой:

– Трезв, как стеклышко.

– Так почему вы за меня испугались?

– Позвольте, я все расскажу с самого начала, чтобы было понятно.

– Давайте. Надеюсь, это будет не длинная сага с отступлениями и рефренами.

– Конечно, конечно, – засуетился Соловьев. – Я самую суть... Мне надо спешить, у меня через три часа самолет. Значит, дело вот в чем. У меня очень тонкий слух. То есть я слышу буквально все на очень большом расстоянии. Из-за этого у меня иногда возникают серьезные проблемы.

– А я думал только из-за алкоголя, – буркнул Родион, чувствуя, что у него как-то нехорошо начинает сосать под ложечкой.

Соловьев, не обратив внимания на реплику, продолжал:

– Говорят, это наследственное. Может быть, мои далекие предки были в племени теми людьми, которые, приложив ухо к земле, подсказывали охотникам, где пасутся стада диких животных, заранее предупреждали о нашествии врагов. Очень любопытная особенность, близкая к феномену яснослышания.

– Безумно интересно, – заметил Марьянов. – Но если у вас через три часа самолет, вы зря начали с древних племен. Эдак мы до утра просидим, пока до сути доберемся.

– Перестаньте меня перебивать! – неожиданно разозлился Соловьев. – Вы меня своим натиском с толку сбиваете.

– Ну, извините, я больше не буду, – хмыкнул тот.

– Короче, я приехал в Москву в командировку вчера утром – заключать контракт с одним клиентом на рекламное обслуживание. У него в Питере большие интересы по части торговли. Все прошло хорошо, и вечером я захотел отметить удачную сделку. Друзей в столице у меня нет, знакомых мало, да и те оказались заняты в этот вечер. Так что я решил никуда не ходить,

а посидеть в баре своей гостиницы. В гордом мужском одиночестве, что тоже иногда бывает нужно.

– Напиваться в одиночку точно не нужно. А уж вам тем более, раз вы пьяный буяните.

– Да я сначала и не собирался много пить. Я вообще уже почти не пью. Так, рюмку-другую. Но вчера я как-то незаметно увлекся и...

– Вас что, посетило видение, что ли? – не в силах совладать с пробудившейся от волнения вредностью, спросил Марьянов. – И оно было как-то связано со мной?

– Будете смеяться, я уйду, и вы ничего не узнаете, – неожиданно заявил Соловьев.

Марьянов на него даже не рассердился. И коротко предложил:

– Продолжайте.

– Так вот. В какой-то момент я уже стал было отключаться. Решил – баста! – пора подниматься в номер. Но тут... Знаете, это всегда внезапно получается. В баре было шумновато: народу много, музыка. Но из всего этого шума внезапно выделяются голоса. Я вдруг отчетливо начинаю слышать чей-то разговор.

– Да-да? – Марьянов допускал, что этот тип все врет про свое «яснослышание». Возможно, ему просто велели донести до Марьянова какую-то информацию, и он придумал эти паранормальные способности. Хотя – кто знает?

– Говорили две женщины. Вполголоса, очень тихо, где-то у меня за спиной. Голоса молодые, иногда я их едва слышал. Они обсуждали возможность крупной аферы. Или криминальной операции, называйте как хотите. И речь шла о вас.

– Серьезно? Вы услышали мою фамилию?

– Нет. Они вообще говорили лишь «он, его, ему» и так далее. Но одна из женщин в конце бросила фразу: «И пусть тогда Родион хоть коммуникациями занимается, хоть редиску выращивает». Знаете, я, конечно, не Эркюль Пуаро, но сочетание вашего редкого имени с такой специфической сферой деятельности... Я сразу понял, что речь о вас идет.

– Склонен с вами согласиться, – процедил Марьянов. – Я пятнадцать лет в бизнесе и больше ни одного Родиона не знаю. А что за афера? Давайте рассказывайте. Вы меня прямо заинтриговали.

– Я дословно весь разговор восстановить не могу, – засопел Соловьев.

– Тогда почему вы, собственно, решили, что те, кого вы подслушали, занимаются криминалом? Ну, сказали гадость, с женщинами это часто бывает.

– Ничего подобного. Мне трудно объяснить... Впечатление складывается из отдельных реплик, интонаций. Но я понял одно – этим дамочкам нужен ваш бизнес и ваши деньги. Одна из них, как я понял, заказчица. Она объясняла второй, которая является исполнителем, что откладывать больше нельзя, времени нет, срываются планы, связанные с большими деньгами. И поэтому вторая, исполнитель, должна в ближайшее время выполнить обещанное и устроить вам серьезные проблемы, на которых вы крупно погорите. Какие именно, они не уточняли, видимо, еще раньше обо всем договорились.

– Занятно, – пробормотал Марьянов, лихорадочно размышляя, врет Соловьев или нет. И если врет, зачем ему это нужно.

– Вторая женщина посетовала, что готовить такую хитрую операцию сложно, что планировать все надо очень тщательно. Говорила, что сойтись с НИМ так близко, как хотелось бы, не успела, что, если ОН что-то заподозрит, подобраться к НЕМУ будет вообще невозможно.

– Думаете, ОН – это я?

– Похоже на то, – грустно вздохнул Соловьев. – Это точно криминал, у меня на него нюх.

– У вас еще и обоняние сильно развито?

– Нет, это я в переносном смысле. Всякие противозаконные деяния чую за версту. Мне вообще надо было в сыщики податься. Но работа опасная и оплачивается плохо.

– А кто эти женщины? Надеюсь, вы поинтересовались их внешним видом? Как выглядят? Особые приметы?

– Да не видел я их! Сейчас расскажу почему. Их голоса я четко различал, но народу за столиками и у стойки сидело очень много, среди них немало женщин, пришедших вдвоем, поэтому было непонятно, кого именно я слышу. К тому же видимость мне ограничивали очень широкие колонны. Поэтому, когда из их реплик я понял, что они собираются уходить, решил их выследить. Но к тому моменту уже прилично набрался, поэтому, вскочив, случайно опрокинул столик. Ко мне подбежали бармен и охранник. Охранник думал, что начинается драка, а бармен – что я собираюсь убежать, не заплатив по счету. Пока я с ними разбирался, женщины ушли.

– Господи, зачем вы пьете? Вам действительно нельзя пить!

Соловьев в знак согласия покорно кивнул головой и горестно развел руками.

– Вы что-то еще можете вспомнить?

– Вроде бы нет. Хотя... Пойдите, вы спрашивали про особые приметы. Но я слышал только их голоса, поэтому могу сказать лишь, что это не юные, но довольно молодые женщины, в пределах двадцати пяти – тридцати лет, может быть, чуть постарше. Хотя это, конечно, личные ощущения, так что утверждать не стану.

– Еще что-нибудь?

– Я вот сейчас вспомнил. У второй, которая мне показалась исполнителем, пару раз словечко такое сленговое промелькнуло – заморочка. В смысле – проблема.

– Его многие молодые употребляют...

– Многие, – согласился Соловьев, – но у нее это словечко в обиходе. Она его несколько раз в коротком разговоре произнесла. Подумайте, вдруг это вам напомнит кого-нибудь. В общем, я все рассказал, а уж вы сами решайте, как поступать.

– Слушайте, а вы не врите насчет своего феноменального слуха? – не выдержал и все же спросил Марьянов. – Может, вам все это просто спяну привиделось, точнее – прислышалось?

– Нет, – твердо ответил Соловьев. – К сожалению, это правда. У меня слух, как у суслика. Я иногда такое слышу – думаю, лучше бы вообще быть глухим.

– Ладно, Саша, в любом случае спасибо. Предупрежден – значит вооружен.

– Не за что. Если информация пригодится, буду рад. Но, как я уже говорил, еще больше буду рад, если вся эта история выеденного яйца не стоит.

Домой Марьянов ехать расхотел и решил немного погулять, чтобы хорошенько обдумать услышанное. Две таинственные женщины встревожили его. Если питерский рекламщик говорил правду, есть вероятность, что у него, у Родиона, хотят отнять бизнес. Или серьезно повредить ему. Так или иначе, он должен быть готов ко всяким неожиданностям.

Впрочем, ему не впервой отбивать подобные атаки. Завтра с утра он предпримет все необходимые меры по обеспечению безопасности. Марьянов стал думать, какие конкретно, и немного успокоился.

Ноги сами несли его по улице, он проскакивал остановки, скамейки, магазины... Лишь наткнувшись на участок тротуара, огороженный желтыми лентами, остановился и словно очнулся. Под лентой сидела серая кошка – тощая и исполненная благородства. Она смотрела на Родиона усталым мудрым взором. Мол, куда несешься? От себя не уйдешь.

Марьянов вздохнул. На самом деле он бежал от одной-единственной пакостной мысли. Эта мысль сразу постучалась в его сознание, но он не хотел ее пускать. Дело в том, что это словечко – «заморочки» – очень любила употреблять к месту и не к месту его секретарша Карина Крупенникова. Родион вспомнил ее чарующие глаза, улыбку, крошечные ямочки на щеках и вздохнул. Пока он не был готов делать далеко идущие выводы. Но быть настороже просто обязан.

* * *

– Ну, подружка, как дела? – Голос Маши Зарецкой звучал в трубке как всегда бодро и уверенно.

– Ой, не спрашивай!

– Что такое, все плохо? – испугалась Маша.

– Наоборот, все очень хорошо. В сентябре я стану штатным сотрудником в одном из отделов, менеджером по коммуникациям. Представляешь? Гип-гип ура!

– Каринка, ты умница! Я так рада за тебя. Говорила же, тебе стоит только захотеть. Полюбила коммуникации?

– Я от них без ума. Хотя здесь тоже есть всякие заморочки, но это меня уже не пугает. И еще. Ты оказалась абсолютно права, Марьянов – классный мужик.

Услышав, как Маша многозначительно хмыкнула, Карина тут же уточнила:

– В смысле – замечательный и понимающий руководитель. Короче, давай на днях встретимся, я тебе все подробно расскажу.

– Договорились. Мой как раз в командировку улетает на неделю. Пора кое-что рассказать тебе о Марьянове и его бизнесе. Но это не по телефону.

– Тогда до встречи. И имей в виду, я теперь, благодаря тебе, счастливый человек.

– Ладно, счастливый человек, только не расслабляйся. Тебе еще вверх по служебной лестнице карабкаться – ого-го сколько!

– Обещаю не расслабляться. Ой, босс идет! Кладу трубку, чао!

Карина звонко поцеловала воздух возле телефонной трубки и шмякнула ее на аппарат.

«Виновна или нет?» – подумал Родион Марьянов, шагнув в приемную. И посмотрел на свою секретаршу новыми глазами. В ее чересчур невинном взгляде ему почудилось коварство. Женщины умеют, черт побери, лишать покоя...

– Принести вам чаю? – спросила Карина, выкладывая на его стол бумаги, требующие срочного внимания.

– Принесите, – буркнул он и, когда она вышла, принялся расхаживать по кабинету.

«Неужели это действительно она? – размышлял Родион. – Да нет, не мог я в ней так ошибиться. Или мог?» Подлая мыслишка о том, что мужское сердце не камень и он просто поддался ее обаянию, не давала покоя. Он покрутил на пальце обручальное кольцо и тяжело вздохнул. У него есть свой крест, он честно его несет и не имеет права заглядываться на женщин. Тем более – на секретарш, это слишком тривиально. И если секретарша окажется засланным врагом, то поделом ему.

Покусывая губы, Марьянов метнулся в кресло, придвинул к себе телефонный аппарат и позвонил в Питер Рите Гаршиной.

– Какие люди! – радостно пропела та в ответ на его приветствие. – Чего звонишь в такую рань, соскучился?

– Соскучился, – неискренне ответил тот. – И еще у меня дело.

– Всегда вы, мужики, так. Если бы не дело, то так и не узнаешь, что вы соскучились. Давай выкладывай, чего надо.

– Помнишь того типа, с которым я сцепился после конференции?

– Соловьева, что ли?

– Мне одну вещь про него надо узнать.

– Никак ты на него зло затаил? На тебя не похоже.

– Слушай, ну какое зло? Это же я ему руку вывихнул, а не он мне. Нет, я у тебя просто узнать хотел – у него действительно такой феноменальный слух, как он рассказывает, или просто мания величия на почве белой горячки?

– А ты откуда знаешь про его слух? – удивилась Рита.

– У него уши большие.

– Нет, я серьезно.

– Расскажу при встрече, по телефону не могу. Ну, так что скажешь?

– Все правильно, об этом многие знают. Его даже на спор проверяли – действительно феноменально слышит. Ему бы разведчиком быть – даже за линию фронта ходить не надо, сидел бы в окопе и подслушивал, о чем враг на той стороне шепчется. Даже представить не могу, зачем тебе это надо. Надеюсь, не для того чтобы использовать его как орудие в борьбе за место под солнцем.

– Не говори глупости, – хмыкнул Марьянов. – И спасибо. Прилетай в Москву, погудим вместе.

Закончив разговор, он глубоко задумался. Выходит, Соловьев не врун и не аферист. Вероятно, его информации можно доверять. Теперь надо подытожить факты, которыми этот тип с ним поделился. Итак, к нему, к Родиону, подослана некая дама. Цель ее или ее нанимательницы, а может быть, нанимателей – завладеть его деньгами или бизнесом. Дама должна подобраться к нему очень близко, но так, чтобы об истинных ее намерениях он не догадался. Времени на подготовку операции, по их собственным словам, было мало. Но тогда получается...

Родион на секунду замер, прекратив хаотичное движение по кабинету. В личной жизни Марьянова, с тех пор как два года назад он женился на Ноне Сорокиной, новые женщины не появлялись. Среди деловых партнеров особ женского пола в этом году не наблюдалось, а на работу он принял лишь нескольких мужчин. Получается, что единственной женщиной, которая появилась рядом с ним за последние несколько месяцев, была Карина Крупенникова.

Теперь это отвратительное слово – «заморочки». Сначала он услышал, как она активно использует его в телефонных разговорах. Противное словечко и, судя по всему, страшно привязчивое. На совещаниях, в которых Карина с недавних пор стала принимать участие, у нее иногда проскальзывали подобные словечки, в том числе и это. Впрочем, она была не одинока – замусоренный русский язык стал практически нормой, поэтому Марьянов старался на такие мелочи не обращать внимания. Но теперь эта мелочь становилась чем-то вроде улики.

«Боже мой, какое коварство! – с гамлетовским надрывом размышлял он, дергая себя за узел галстука. – Надо же было так поймать меня! А этот ее живой интерес к новой профессии, желание стать настоящим специалистом... И ведь я мог голову дать на отсечение, что она искренне радовалась, когда я сообщил ей о переводе в штат творческих работников! Выходит, я совсем не разбираюсь в людях?! Или же она гениальная актриса. Впрочем, – философски рассудил он, – все женщины актрисы, талантливые или бездарные, это уж кому как повезло».

Итак, Карина под подозрением. Марьянов решил за ней внимательно наблюдать. Если она и впрямь засланный казачок, чем-то обязательно себя выдаст. Но самое важное сейчас – исключить для нее любую возможность собирать коммерческую информацию. Конокрада предупредить, пусть будет повнимательнее с финансами, а то мало ли. И Скворцову сказать, чтобы с журналистами аккуратнее общался. А то полюбил в последнее время быть ньюсмейкером. В общем, конспирация и еще раз конспирация. Если эта девчонка действительно участник заговора против Марьянова, он обязательно поймает ее с поличным. И выгонит. Да так выгонит, что ее даже консьержкой в подъезд не возьмут. Не он это затеял, но теперь ничего не попишешь – а ля гер ком а ля гер. На войне как на войне.

* * *

– Слушай, Карин, а где Марьянов? Мы его в переговорной ждем, он обещал заглянуть, но так и не пришел. Я выскочил буквально на минутку.

В приемную ввалился начальник клиентского отдела Андрей Звонарев, который несколько дней вел трудные переговоры с капризным, но денежным клиентом. Как обескровленный в страшной битве авангард, он отчаянно ждал подхода резервных полков.

– Зашел к Скворцову и пока не выходил.

– Что он там делает? – трагическим шепотом простонал Звонарев. Видимо, силы авангарда были на исходе.

– По-моему, с Триллером общается.

– Опять Триллер явился?

– Так он теперь почти каждый день приходит. Сначала обслушает всех, а потом часа два у Скворцова чай пьет и про яды рассказывает. Это у него теперь самая главная тема, он даже про гадания забыл. А сегодня примчался к Скворцову новую обложку показывать, этой его энциклопедии ядовитой. Родион Алексеевич тоже туда заглянул и теперь уже полчаса там сидит. Такое впечатление, что Триллер его охмурил. Раньше Марьянов сторонился нашего чародея, а теперь ничего, общается.

– Как бы его оттуда... А? – жалобно попросил Звонарев.

– Не знаю. Кажется, Марьянов пал жертвой своей философии, один из постулатов которой гласит, что плохих и мелких клиентов не бывает, бывают плохие и мелкие агентства.

– Ну да. Мамы всякие нужны, мамы всякие важны. Карин, ну помоги, а?

– Сейчас попробую заглянуть, но результат не гарантирую. Марьянов что-то не в духе, может и осерчать.

Карина очень хотела помочь Звонареву. Андрей был не только толковым специалистом, но и вообще хорошим человеком. Кроме того, в недалеком будущем он реально мог стать Карининым руководителем.

– Ты попробуй. Напомни ему про нас, погибнем ведь во цвете лет. Я побегу обратно, а любимые клиенты сожрут бедную Лизу. Она сейчас там отдувается, глазки им строит. Только им плевать, вот если бы у нее в каждом глазу по доллару крутилось – тогда конечно.

И Звонарев быстро скрылся за дверью.

Карина тяжело вздохнула. Если до сих пор у нее с шефом был хороший человеческий контакт, то сейчас он вдруг неожиданно нарушился. Поведение Марьянова в последние дни неуловимо изменилось. Нет, он по-прежнему улыбался, отпускал традиционные шуточки, но ей казалось, что он находится в постоянном напряжении. Раньше такого не случалось. С чем это было связано, Карина не знала. Ее робкие попытки выяснить, не провинилась ли она в чем-нибудь, закончились безрезультатно. Марьянов сказал, что все в порядке, а если будет не в порядке, он обязательно ей об этом сообщит.

«Может быть, у него дома проблемы, с женой?» – размышляла Карина, которая, если честно, постоянно размышляла о том, на какой женщине ее босс женился. Ей казалось, что если она у кого-нибудь спросит о Ноне, все сразу подумают, что она влюбилась в Марьянова. А она не влюбилась! Она никогда не позволяла себе влюбляться в женатых мужчин. А уж в собственного босса и подавно.

В последнее время Карина стала ловить шефа на несоответствиях, увертках и лжи. Это было так удивительно! И совершенно необъяснимо. Если раньше, планируя рабочий день, Марьянов подробно рассказывал Карине где, когда и с кем встречается и даже называл предмет переговоров, то теперь он ограничивался лишь общей информацией. Как-то позвонил клиент, к которому Родион Алексеевич вроде бы поехал на встречу, и сказал, что он прилетает в Москву не завтра, а послезавтра. Удивленная Карина сообщила, что Марьянов сейчас должен находиться в его офисе. Клиент рассмеялся и ответил: Родион прекрасно знает, что в офисе его сейчас нет и быть не может. Потом случилась еще одна похожая история, затем еще и еще. Накладки следовали одна за другой, Карина даже однажды сказала об этом шефу, но тот лишь отмахнулся. А потом так на нее зыркнул, что у нее мурашки по спине побежали.

Однажды Марьянов сказал, что едет на игру в свой гольф-клуб. Неожиданно позвонил председатель правления банка, с которым у агентства были деловые отношения, и попросил срочно связать его с Марьяновым. Карина позвонила администратору клуба и попросила Родиона Алексеевича срочно подойти к телефону. Администратор, вежливо выслушав ее, сообщил, что господин Марьянов отменил все игры со своими постоянными партнерами на ближайшие две недели.

Карина уже не знала, что и думать. Может, у шефа роман? Тогда понятна его озабоченность и напряженность, его попытки скрыть свой истинный рабочий график. Мужчины даже врать толком не умеют. Уезжает на свидание, а придумывает первое, что на ум взбредет. Но как тогда жена Нона? По словам Машки, Марьянов ее очень любит. Может, любил-любил и разлюбил? Такое бывает сплошь и рядом. Ах, почему он не влюбился в нее – сразу и бесповоротно? Это была запретная тема, и Карина заставила себя прекратить мечтать.

Вспомнив о Звонареве, она собралась с духом и решительно поднялась с кресла. Надо было вернуть генерального директора человечеству. Но в этот момент дверь скворцовского кабинета открылась, и оттуда вышел Марьянов, в рукав которого, как клещ, вцепился Савелий Львович Триллер. Триллер отчаянно жестикулировал свободной рукой, а Марьянов, глядя на собеседника сверху вниз, внимательно его слушал, изредка кивая головой. Похоже, они продолжали начатый у Скворцова разговор.

– Это, дорогой мой Родион Алексеевич, заблуждение, всемирное заблуждение. Все можно сделать из подручных материалов, буквально все. И не надо химии, не надо лабораторий и специальных познаний. Шаманы и колдуны сотни лет назад в этом прекрасно разбирались.

– Савелий Львович, если бы все было так просто, тогда, наверное, и преступлений было бы неизмеримо больше. А почитайте детективы – там все больше цианистый калий да синильная кислота. В крайнем случае – какие-то непонятные змеиные яды. И все.

– Правильно! Потому что никто ничего не знает. Это знание запретное. Но есть посвященные, которые носят его в себе, хранят и передают только достойным, избранным, отмеченным особым знаком. Ах, если бы я мог об этом написать в своей книге! Но – нельзя, ведь это страшное оружие. Не дай бог попадет в руки злодеев! Многое бы они отдали за обладание таким знанием.

– Значит, по-вашему, яд можно изготовить из совершенно невинных цветов и растений?

– Не «по-моему», а так природой задумано. Важно знать, в какое время года собирать растения, как правильно хранить, что, с чем и в каких пропорциях смешивать. Это наука, но – тайная. Ведь изначально яды существовали для лечения, и лишь потом человечество нашло им такое адское применение. Так же впоследствии поступили с атомной энергией!

– Хорошо, но вы-то откуда все эти тайные знания почерпнули?

– Я – избранный, – петушиным тенором возвестил Триллер, выпустив рукав Марьянова, чтобы вздеть руки к потолку. – Избранные не черпают знания самостоятельно, знания им даются. Свыше, через Космос, через Вселенский разум.

– Все это очень интересно, – без тени улыбки сказал Марьянов. – Вероятно, мы с вами еще обсудим эту тему. Если вы не возражаете...

– Я настаиваю, чтобы продолжили! – завопил Савелий Львович. – Вижу, вижу, что вы способны понять. У меня есть ученики, но с вами я готов отдельно... Приезжайте завтра в мой загородный центр! Ну, он не совсем центр – дом, где я провожу опыты, ставлю эксперименты, отдыхаю. В общем, что-то типа дачи. Нет, лучше приезжайте послезавтра. Завтра вечером у меня схватка с кассиопейскими гуманоидами – предстоит отбить у них жену моего соседа, которую похитили для опытов. Уже три дня, как она дома не ночует. В общем, это страшное напряжение сил. Значит, послезавтра, к восьми вечера. Я вам поведаю удивительные вещи о таинственном мире ядов. Такого вы не прочтете нигде. Может быть, вселенная меня за это

покарает, но вам я готов приоткрыть завесу тайного знания. Совсем чуть-чуть, но вы поразитесь глубинам, которые сможете увидеть!

– Спасибо, я постараюсь, – подвел черту Марьянов. – Если будет время на глубины. Все, что вы рассказали, очень интересно и познавательно. Теперь возвращайтесь к Игорю Леонидовичу. Он, как мы договорились, передаст последний вариант обложки энциклопедии нашим дизайнерам – пусть готовят рекламный плакат. Макет вы потом будете утверждать.

– Родион Алексеевич, – решительно вмешалась Карина в сложный процесс расставания с неугомонным Триллером. – Звонарев волнуется, они вас в переговорной ждут, там...

– Да, да, помню, уже иду.

Он исчез так быстро, что Триллер не успел даже пискнуть. Проводив Марьянова долгим взглядом, Савелий Львович задумчиво уставился на Карину. Сейчас он напоминал объевшего шакала, мучительно размышляющего, не погрызть ли из жадности еще вон ту сахарную косточку. Однако разум взял верх над чувствами, и Триллер поспешно вернулся в кабинет Скворцова.

* * *

Облегченно вздохнув, Карина вернулась к прерванной работе. Сегодня обязательно надо было закончить ежемесячный отчет об информационном обслуживании компании «Бамбук», над которым она трудилась уже вторые сутки. Но как только Карина подседа к компьютеру, в приемную, громко стуча каблуками, уверенно вошла незнакомка – среднего роста пухленькая блондинка лет тридцати пяти с капризным лицом. На ней было все светлое, мнущееся и натуральное. Сумасшедшей красоты туфли соперничали по броскости с сумасшедшей красоты сумочкой. Длинные ногти блестели нечеловеческим блеском. Она была из тех женщин, которые способны дорогим нарядом не подчеркнуть, а перечеркнуть свои достоинства – лишь бы привлечь к себе внимание.

Бросив на Карину быстрый оценивающий взгляд, но не проронив ни слова, блондинка направилась к кабинету генерального директора. И лишь когда она решительно взялась за ручку двери, растерявшаяся Карина догадалась спросить:

– Простите, вы к Родиону Алексеевичу?

Блондинка обернулась на голос, надменно взглянула на секретаршу и так же молча открыла дверь кабинета.

– Представьтесь, пожалуйста. И закройте дверь, Родион Алексеевич на переговорах, – громко и требовательно сказала Карина, удивленная бесцеремонностью незнакомки.

Она подумала, что если та не остановит свое наступление, то придется звать охрану. Существовало железное правило – в отсутствие генерального директора в его кабинете не должно быть посторонних. Развернувшись на каблуках, блондинка прошествовала через приемную к секретарскому столу и, замерев в полуметре от него, в упор посмотрела на Карину. Потом презрительным тоном сказала:

– Какие мы грозные. Это лучше ты мне представься, радость моя.

Карина так скрипнула зубами, что стоматологи, сидевшие этажом ниже, наверняка вздрогнули от ужаса. Однако взяла себя в руки и казенным голосом спросила:

– Вы по какому вопросу? Если вы не договаривались заранее о встрече, боюсь, у Родиона Алексеевича свободного времени для вас не найдется. Сегодня все уже распланировано. Если хотите, я могу записать вас на другой день.

– Меня-а-а? – фальшиво изумилась блондинка. – Меня, лапочка, он днем не интересуется. Ты меня лучше на ночь запиши! И бумажку ему на лоб наклей. Может, хоть тогда про жену вспомнит.

«Нона! – ахнула про себя Карина. – И это – жена Марьянова?! Та, которую, по Машкиным словам, он страстно любит? Поверить не могу... Такое впечатление, что нормальным мужчинам хорошие женщины не представляются достойной добычей, поэтому они охотятся исключительно на стерв». Пока она лихорадочно размышляла, что делать, Нона размахнулась и бросила на кожаный диван для посетителей свою сумочку, которую вертела в руках. Сумочка до дивана не долетела, а упала на пол. При падении в ней что-то жалобно звякнуло.

– Подними, – небрежно махнув рукой, потребовала супруга босса. – И вызови сюда моего благоверного. И носом не крути, поняла? Если он через пять минут здесь не появится, считай, что ты уволена.

– Вы здесь не распоряжаетесь, – выдавила из себя Карина, пытаясь выдержать ее взгляд. Сделать это было непросто, потому что вместо глаз у этой мымры были два стеклянных шарика. – И мной вы распоряжаться не можете.

Шарики исчезли в морщинках – мымра улыбнулась леденцовой улыбкой. Стало ясно, что она ни за что не отступит. Сдохнет, но своего добьется.

– Тобой я не распоряжаюсь, – согласилась Нона вкрадчивым тоном. – Зато я распоряжаюсь Родионом. Скажу – и он тебя уволит. Тоже мне, козырная дама! Цена тебе – полушка в базарный день. Работница, тоже мне... Два уха, блокнот и мозги размером с дулю.

Карине захотелось немедленно схватить недобитый Триллером горшок с кактусом и швырнуть в эту сволочь. Она, вероятно, так и поступила бы, но в эту секунду раздался голос Марьянова:

– Привет, дорогая. Решила заглянуть на огонек?

Видимо, тяжелые переговоры наконец закончились, и он, как королевич Елисей, явился спасти Карину, хотя сам об этом пока не подозревал. В ту же секунду блондинка преобразилась – перед Марьяновым стояло существо безвреднейшее и очень трогательное. Оно умильно хлопало глазками.

– Вот проезжала мимо, думаю – зайду, устрою тебе сюрприз. Кстати, поздравляю с новой секретаршей. Очень решительная особа.

Марьянов внимательно глянул на Карину, которая, окаменев, молча сидела в кресле.

– Нона, Карина не секретарша. Она менеджер.

– А в приемной у тебя сидит для украшения? – спросила та, надув губки.

– Начинается, – пробормотал Марьянов, взял жену за локоть и потащил за собой.

– Ой, моя сумочка! – воскликнула та. – Она упала. Дорогая, не считите за труд, подайте мне ее!

– Карина, прошу вас, помогите, пожалуйста, – попросил Марьянов, не выпуская локоть жены и подталкивая ее в сторону кабинета.

Карина встала, подобрала сумочку и молча протянула ее шефу.

– Спасибо вам, спасибо! – с придыханием произнесла Нона и первой выхватила сумочку.

Ее победную улыбку Марьянов, конечно, не заметил. Зато Карина так взбесилась, что едва не затопала ногами. И как только чета Марьяновых скрылась за дверью кабинета, она вихрем пронеслась по приемной, разметав все на своем пути. «Да лучше уволиться! – подумала она в сердцах. – Пошли они все к черту вместе со своими коммуникациями. Эта мымра будет ему на мозги капать и про меня всякие гадости говорить! А босс тоже хорош: разрешает ей приходить тут и командовать. Подкаблучник хренов. Как он вообще может находиться с ней под одной крышей? Любовь у них! Ну и пусть себе любят на здоровье, только без моего участия».

К счастью, никто из сослуживцев в этот момент ее не увидел. Немного успокоившись, Карина стала приводить себя в порядок, и в этот момент из кабинета выскочила Нона с покрасневшим лицом. Не обращая на Карину внимания, она стала терзать телефон, набирая чей-то

номер. В итоге, так и не дозвонившись, молча вышла в коридор, не закрыв за собой дверь. Зато это с удовольствием сделала Карина.

Но не успела она сесть на место, как появился Марьянов.

– Хм, – довольно отчетливо произнес он, проследовал к окну и задумчиво посмотрел вниз. Потом обернулся, тяжело вздохнул и сказал: – Я слышал финальную часть вашего разговора с моей женой. Поэтому приношу вам свои официальные извинения. Она в принципе неплохой человек, только избалованный. У них так в семье было принято, хотя это, конечно, не оправдание для взрослого человека. Кроме того, она ревнива и плохо реагирует на красивых женщин из моего окружения.

Карина в который уже раз вспыхнула. Это прямо стало доброй традицией – краснеть в присутствии Марьянова. Впрочем, он ведь сделал ей комплимент. Ну, может, слегка завуалированный, но все-таки...

Родион между тем продолжал:

– В общем, мы сейчас с ней договорились, что в офис она приходить не станет. Поэтому успокойтесь, хорошо?

– Я совершенно спокойна, – дребезжащим голосом заверила его Карина.

– У вас нос красный.

– Думаете, я плакала?!

– Не знаю. Может, и не плакали. Может, нос у вас краснеет от перемены погоды, я же не приглядывался.

Карина фыркнула и пожала плечами. Марьянов расценил это как знак примирения, кивнул головой и скрылся в кабинете.

Вечер тихо угасал, город одевался в серое. Выходящие из офисного здания служащие жадно глотали теплый воздух. Все знали, что пропитан этот воздух черт знает чем, но все равно он казался слаще, чем воздух из кондиционеров. В летнюю жару все живое обретало новую цену, и даже окостеневшие липы, впаянные в тротуар, вызывали чувство умиления.

Карина тоже сделала глубокий вдох и огляделась по сторонам. На ближайшем рекламном щите были нарисованы толстощекие дети, лопающие сладости. Ее желудок тонко заныл, как комар, залетевший в банку. Не в силах сладить с собственным аппетитом, она зашла в ближайшую кофейню и купила несколько эклеров и корзиночек с кремом, которые здесь изумительно готовили. Пилюлю, которую ей пришлось сегодня проглотить в конце рабочего дня, надо было подсластить. Как любила повторять ее двоюродная сестра, питавшаяся чистыми углеводами и помещавшаяся исключительно в джипы: «Если бриллианты – лучшие друзья девушек определенного склада, то у порядочных девушек лучшие друзья – пирожные и конфеты. А лучших друзей никогда не предают».

Дома Карина принялась уничтожать пирожные, тесно лежавшие в коробке на тонкой белой бумаге. Она запивала их чаем и продолжала вновь и вновь прокручивать в голове сегодняшние события. Очень похоже, у Марьянова в семье нелады. Может быть, Нона застучала его с любовницей и теперь бесится? Что ж, его можно понять – имея такую жену, тяжело удержаться от необдуманных поступков. Так, может быть, в этом и кроется причина его странного поведения в последнее время? Эти постоянные увертки, какое-то детское вранье...

«А вдруг Нона все же не оставит мужа в покое и будет настаивать на том, чтобы он меня уволил? Она вполне может оказаться жутко злопамятной. А Марьянов возьмет и уступит... Ладно, утро вечера мудренее», – решила Карина. В конце концов, «Стратегия плюс» – не единственное агентство на свете, а она теперь уже не робкий новичок и сможет попробовать свои силы в другом месте. Жаль только будет потерять Марьянова – хороший он все-таки руководитель. Да и вообще...

* * *

По дороге домой Марьянов заехал в свой любимый ресторанчик «Три цвета ночи». Сел за столик у окна, выходящего на бульвар, и, не заглянув в меню, заказал салат, горячее и порцию коньяка. Состояние было гадостное, и Родион хотел разобраться, в чем причина сумбура, который сейчас творится в его душе.

Допустив, что информация Соловьева правдива и некто действительно покушается на его бизнес, Марьянов ввязался в чью-то игру со многими неизвестными. Пока единственной подозреваемой была Карина Крупенникова. Казалось, чего проще – организовать за сотрудницей наблюдение и спокойно ждать. Если она действительно замешана в какой-то грязной истории, то непременно выдаст себя. Если нет – надо будет искать другого «крота», который к нему подбирается.

Но неожиданно выяснилось, что это серьезная моральная проблема. Подозревать Карину оказалось для него настоящим мучением. Да, он давно не любит жену. Его увлечение ею вообще было сродни помешательству. А потом ее родня оплела его такими путами, что он света белого не взвидел. Но он по-прежнему женат, он дал слово и нарушать его не собирался. Он не собирался влюбляться!

«Нет, вряд ли это любовь, – думал Марьянов, вызывая в памяти образ Карины. – Скорее, симпатия. Да, сильная симпатия, не более того. Разве я не смогу без нее жить? Разве я не сплю ночами, думая о ней? Нет, иногда действительно не сплю и действительно думаю. Но иногда – не считается». Эти самоуговоры выглядели по-детски, но они его успокаивали, возвращали ему уверенность в том, что он может контролировать свою жизнь.

Однако на душе по-прежнему скребли кошки. «А как же мое железное правило? – продолжал увещевать себя он. – Я его ни разу не нарушал! На работе никаких романов. Только дела, только бизнес. Смешивать любовь с работой – все равно что поджигать фейерверк в кладовке: страшно увлекательно, конечно, и будет много красивых звездочек, но дверь вышибет обязательно».

Он не собирался нарушать данное себе слово только потому, что у его новой секретарши красивые ноги! Да и вне работы он был пай-мальчиком. Просто образцом добродетели! Женившись на Ноне, Родион решил стать примерным семьянином, так как многолетняя холостяцкая жизнь, отягощенная бесчисленными любовными приключениями, его порядком достала.

Мысли Родиона неожиданно потекли по иному руслу. «А что у нас сейчас происходит с Нонкой? Почему все так изменилось? Куда делась милая, веселая, обаятельная женщина? Откуда вдруг эта злоба, истеричность? Ведь она не была такой. Или была? Ну, немного вздорная, иногда капризная... Наверное я, как всякий влюбленный идиот, не видел того, что видели другие».

Раньше он всем говорил, что женился по любви. Теперь ему стало казаться, что это было какое-то страшное недоразумение. Мечтать об идиллии с Ноной было так же умно, как отправляться в полет на Луну на пушечном ядре. Нона оказалась вредной и легкомысленной особой. Детей она не хотела, домашним хозяйством не занималась – для этого имелась прислуга. Когда Родион предлагал ей устроиться на работу, она закатывала ему такие истерики, что было слышно даже на любимых ею Канарах. С каждым месяцем их супружеская жизнь все больше запутывалась. Папа сестер Сорокиных, Ноны и Нателлы, был чиновником очень высокого ранга. Воспитывать дочек ему было некогда, вместо этого он их баловал. Баловала их и мама, разрешая любимым чадам практически все. Но, как известно, тот, кто потакает маленьким детским капризам, рано или поздно огребает большие проблемы. Папа с мамой не только сами огребли эти проблемы, но еще и щедро поделились ими с Марьяновым. Тот многое прощал жене, списывая это на воспитание и семейные традиции.

Но в последнее время даже его железные нервы стали сдавать. Размолвки и скандалы по всякому пустячному поводу становились нормой. К тому же Нона изводила мужа приступами беспричинной ревности. Попытки Родиона наладить отношения с женой вели к временному перемирию, но потом все начиналось сначала. А когда Нона после очередного выяснения отношений переселилась в другую спальню, Родион, немного поколебавшись, отменил табу на внебрачное общение с противоположным полом. Однако женщин, с которыми он работал или вел дела, это по-прежнему не касалось.

Родион подогрел в ладони бокал с коньяком и чуть пригубил золотисто-янтарный напиток.

«Вот зачем она сегодня пришла в офис? – невесело подумал он. – Что ей было нужно? Хотела устроить публичный скандал? Унизить меня при сотрудниках? Чего она вообще добивается? Может, стоит поговорить с ней о разводе? Так ведь она при своей ревности развода не даст. Как собака на сене: сама не ест, а других кусает».

Марьянов вспомнил про сегодняшний инцидент в приемной и подумал, что в этом споре он, не задумываясь, принял сторону своей секретарши. В кабинете он отчитал Нону, приказав ей больше в офисе не появляться, а потом еще и извинялся перед Кариной за невольную ревность своей супруги. Хотя Родион застал самый конец выступления Ноны, он прекрасно знал, как она может унизить человека, стоящего на социальной лестнице ниже нее. Кстати, уходя, она попыталась унизить и его, бросив уже на пороге:

– Что ж, хорошо, я не появлюсь больше в твоём офисе. Живи тут со своими секретаршами. Но здесь больше не появятся и клиенты, которых приводил тебе мой отец, уж я позабочусь об этом,

будь уверен.

«Ну, положим, без ее папы и его благодетелей я не пропаду, – продолжал размышлять Марьянов, – но сама угроза характерна. Неужели она тоже подумывает о разводе? Обычно папы и мамы, поминаемые во время скандалов, – предвестники семейных катастроф». Видимо, в ближайшее время предстоит серьезный разговор, который и определит перспективы их супружества. Может быть, ему надо сделать еще одну попытку помириться с женой, вновь наладить прежние отношения, перевернуть страницу и начать все с чистого листа? Нет, это вряд ли возможно. Тут ведь нужен взаимный интерес, а у жены его, кажется, уже нет. А у него уж и подавно. Зачем же тогда во второй раз пытаться войти в ту же самую реку?

Перед ним уже давно стоял нетронутый салат, а официант несколько раз осторожно подходил интересоваться, не подавать ли горячее. Но есть совершенно не хотелось. Родион сделал еще один глоток коньяка и закурил.

«Карина, Карина. Кара миа. Что же мне с тобой делать? – думал он, разглядывая разгуливающую по бульвару публику. – Неужели ты и впрямь можешь оказаться зловещей дамой, подосланной конкурентами или недоброжелателями? И весь твой облик, твои глаза, твоя улыбка – сплошное притворство? А я – осел с длинными ушами, который наивно думает, что он – умный филин.

Кстати о недоброжелателях. Это могут быть бывшие клиенты, недовольные обслуживанием, люди или компании, против которых мы вели информационные войны, конкуренты наших клиентов, бывшие партнеры по бизнесу. Бывшие партнеры, бывшие партнерши... Так, стоп!»

Как же он раньше не вспомнил – ведь Карину ему усиленно рекомендовала Маша Зарецкая. Маша – прекрасный маркетолог, и когда-то Марьянов даже предлагал ей должность начальника управления у себя в агентстве. Но она отказалась, и он знал почему. Зарецкая имела на Родиона виды, но ее тайным планам так и не суждено было сбыться. И вот совсем недавно она явилась с предложением войти в его бизнес, стать партнером. Предложение выглядело заманчивым – новый муж Маши, если бы удалось договориться, готов был привести свою

могучую компанию в качестве многолетнего клиента с огромным рекламным бюджетом. Но Марьянов твердо отказался, потому что не сомневался – ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Во-первых, он привык единолично управлять своим агентством. Во-вторых, в их с Машей отношениях было слишком много личного. Родион не без основания полагал, что ее чувства к нему не совсем остыли. А там, где бизнес, не должно быть места чувствам.

Маша тогда внешне спокойно и с пониманием восприняла его вежливый отказ, хотя Родион почувствовал, как она напряглась. Сказала только:

– Ну что ж, Родион, тебе решать. – И, лишь уходя, дала волю эмоциям: – Мне очень жаль. Был шанс, и у нас могло все получиться. Смотри, не пожалеть бы потом.

А когда некоторое время спустя Родион позвонил и сказал, что расширяет бизнес, она порекомендовала ему свою подругу Карину Крупенникову – как человека ответственного, старательного и по-хорошему амбициозного. И Марьянов, который в тот момент расширял штаты агентства под новых клиентов, согласился взять ее секретарем.

То есть теоретически Маша вполне могла подослать ему Карину с целью оттяпать бизнес. Не захотел Марьянов по-хорошему, значит, будем по-плохому. Неужели Машка способна на такое?

«Нет, – подумал Родион. – Хватит гадать. Так можно зайти очень далеко и начать подозревать всех подряд – знакомых, родственников, соседей по даче. Пока резких телодвижений делать не буду, посмотрю, как события станут развиваться. Скворцова я предупредил, чтобы не смел без меня ничего подписывать и ни с кем встречаться. Конокрад будет отслеживать финансы. Ну а если появится хоть какое-то подтверждение моих опасений в отношении любого из сотрудников – обращусь к Петру. Нет, даже не стану ничего ждать – сегодня же позвоню ему, пусть пока прикинет, что к чему».

Друг детства Петр Чижов был владельцем крупного специализированного агентства «Неприступная скала». Агентство занималось охранным бизнесом и частным сыском. С Петром они дружили со школы, вместе ходили на занятия боксом и вольной борьбой, вместе прогуливали уроки и ухаживали за девочками. Все эти годы они продолжали дружить, а теперь еще и сотрудничать. Когда Марьянову было необходимо проверить надежность клиента, разыскать должника, провести финансовую разведку или угомонить незваного агрессора, он звонил Петру и получал немедленную профессиональную помощь.

Когда в ресторанчике приглушили свет, Марьянов встрепенулся и посмотрел на часы. Время утекло сквозь пальцы, а он так и не пришел ни к какому выводу. О Карине он по-прежнему думал с волнением и тревогой. Черт побери, она ему нравится! И он просто не может подозревать ее всерьез.

«Это подсознание, – угрюмо констатировал Марьянов. – Если немного перефразировать дедушку Ленина, то можно смело утверждать, что учение Фрейда всесильно, потому что оно верно».

* * *

– Сначала пройдет обряд посвящения, потом дадите клятву, – шепнули на ухо Родиону Марьянову. – Главное, ничему не удивляйтесь.

– Я никогда не удивляюсь.

– Все будет очень красиво, знаете ли. Ну, может быть, несколько напыщенно и старомодно, но это мелкие издержки, у кого их не бывает. Я думаю, вы не пожалеете.

– Посмотрим. Когда начало?

– Ровно через десять минут. Президент любит точность. Готовьтесь, к вам подойдет распорядитель и объяснит, что вы должны делать.

Не успел доброжелатель договорить, как перед ними возник высокий седой мужчина с бакенбардами – распорядитель.

– Прошу вас, господин Марьянов, следовать за мной. Сейчас вы получите инструкции, и я проведу вас к месту церемонии.

Еще через пару минут Родион стоял внутри очерченного на толстом синем ковре круга. Перед ним, на небольшом возвышении стояла черного цвета кафедра, вроде той, с которой говорят проповеди священники. По бокам горели свечи в высоких напольных канделябрах, а у ног Родиона находилась низенькая скамеечка неизвестного предназначения.

К месту предстоящей церемонии начали постепенно подтягиваться люди в строгих темных костюмах, которые в итоге образовали вокруг Родиона плотное кольцо. Раздалась тихая торжественная музыка, и из-за плотной портьеры в глубине зала показалась черная фигура. Она быстро приближалась, и через мгновение Родион увидел перед собой крупного мужчину в черном плаще с поднятым воротником, в черных перчатках, шляпе и черной полумаске. Похоже, это и был президент.

– Вы приняли решение? – без предварительных приветствий обратился он к Марьянову. У президента был приятный бас. В глазах таилась улыбка, которая показалась Родиону чересчур хитрой.

Однако он без колебаний ответил:

– Да.

– Вы не раздумаете в процессе посвящения? Председатель смотрел на него с живым интересом, как сытый кот на обалдевшую мышь.

– Нет.

– Тогда начнем.

В душе Родиона неожиданно возникло ощущение тревоги. Холодок страха липкими лапками пробежал по спине. словно прямо сейчас он должен был один войти в таинственную пещеру, полную чудовищ.

– Клянешься ли ты, Родион Марьянов, хранить тайны общества, о которых тебе станет известно?

– Клянусь.

– Готов ли ты к испытаниям, которые тебя ждут впереди?

– Готов.

– Обещаешь ли ты держать в секрете все, что здесь увидишь, и все, о чем здесь услышишь?

– Обещаю.

Он отвечал твердо, но слышал в своем голосе непривычную хрипотцу. Вероятно, так проявлялось его волнение.

– Придешь ли ты на помощь, если кто-то из братьев окажется в смертельной опасности?

– Приду.

– Даешь ли ты слово чести делиться с единомышленниками своими сокровенными знаниями, мыслями, идеями?

– Даю слово чести.

Президент клуба отложил в сторону толстую книгу в кожаном переплете и взял в руки пистолет и кинжал.

– Преклони колени! – приказал он, и Марьянов, словно средневековый рыцарь перед королем, опустился на одно колено, рискуя изгваздать новые светлые брюки.

Мысль о брюках улетела так же внезапно, как и появилась, задев краешек сознания. Президент подошел так близко, что Родион услышал его дыхание, и скрестил оружие над его головой.

– Ты посвящен в члены клуба интеллектуалов «Великий сыщик», – торжественно объявил президент. – Твой статус – ученик. Ты имеешь право посещать открытые заседания клуба. Все остальное зависит от тебя.

Родион с облегчением вздохнул и поднялся, отряхивая колено. Начало ему понравилось, все выглядело торжественно и таинственно. Интересно, что будет дальше?

Он огляделся по сторонам. Безмолвно наблюдавшие за церемонией посвящения люди, человек двадцать, еще минуту назад обступавшие их плотным кольцом, разошлись по огромному залу. Перед этим каждый из них подошел к Марьянову и молча пожал ему руку. Теперь они стояли группками, курили трубки или сигары и тихо переговаривались между собой. Некоторые уселись в глубокие мягкие кресла, имевшиеся здесь во множестве, и о чем-то сосредоточенно думали. Официанты бесшумно скользили по залу с подносами, на которых стояли рюмки и бокалы.

Неожиданно за спиной Родиона раздался знакомый теплый бас:

– Вы пока осмотритесь тут. Можете покурить, пообщаться с другими членами клуба. Только с вопросами повремените – скоро сами поймете, что к чему.

Марьянов обернулся – президент уже где-то оставил все свои черные аксессуары и оказался одет в обычный летний костюм. Лицо у него было выразительное, мужественное и довольно приятное.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Марьянов. На самом деле у него была куча вопросов. Но он решил последовать совету и пока не задавать их. Задал лишь один: – Как вас зовут? Меня-то вы знаете...

– Анатолий Сергеевич, – представился президент клуба. – Юрист по профессии. Мой конек в детективах – феномен запертой комнаты. Если вы всерьез решили сделать своим хобби конструирование виртуальных преступлений, то придется выбрать специализацию. Мир детектива огромен и многообразен, всего не осилить даже гению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.